

ярослав
нолуэкт
РЕА
Е
У
ИЗМ

28
DAYS
LATER
FONT

28 28 28 28 28 28
DAYS DAYS DAYS DAYS DAYS DAYS
LATER LATER LATER LATER LATER LATER
FONT FONT FONT FONT FONT FONT

By Taha B. Taha
www.thefonts.com
© 2014 Taha B. Taha
www.thefonts.com
© 2014 Taha B. Taha
www.thefonts.com
© 2014 Taha B. Taha
www.thefonts.com
© 2014 Taha B. Taha
www.thefonts.com
© 2014 Taha B. Taha
www.thefonts.com

СБ € № 4

28
DAYS
LATER
FONT

28 28 28 28 28 28 28 28
DAYS DAYS DAYS DAYS DAYS DAYS DAYS DA
LATER LATER LATER LATER LATER LATER LATER LA
FONT FONT FONT FONT FONT FONT FONT FO

СНМ

и

Ярослав Полуэктов

DUализмус. Семя льна

«Издательские решения»

Полуэктов Я.

Я. Полуэктов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747536-9

В этот сборник вошли фрагменты из романов «ЧоЧоЧо», «Наиленивейший графоман» и несколько разрозненных историй из так называемого «Семенного фонда» для будущего льняного полотна невероятной мощи.— Для того, чтобы фокус удался, материал должен «отлежаться», — считает автор.

ISBN 978-5-44-747536-9

© Полуэктов Я.
© Издательские решения

Содержание

Платаны и каштаны	6
1	7
2	9
3	11
Арнольд Второй	15
Бешеная таможня	17
Круговое движение да и про «те» не забудь... те	26
Как Бим в париж Пня повёз	34
Средмаш и евробублик	38
Машка, Наташка и Гретхен	48
До ветру	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

DUализмус. Семя льна

Ярослав Полуэктов

© Ярослав Полуэктов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Платаны и каштаны (Perfecion XXI.16)

Теги иллюстрации:

Германия, Мюнхен, каштан, платан, стол, бокалы, пиво, баба, сиськи, тринквассер, два идиота из России.

1

У меня есть прибор. Появился недавно. Не скажу какой, а то захотите себе такой же. Присоединил. Включил. Повертел. Приблизил. Нашёл метку. Нашёл место. Сработало! Шевелится там. Расплывчато, правда. Не обманул китаец. Я уже проверял.

Гляжу в него и в этот раз. Навожу резкость вглубь, назначил громкость, и вижу, и слышу, слегка потрескивает, ну да и ладно: вот они голубчики! Как живые! Сидят! Хохочут.

Да, было дело. Смеялись. И немало. Было с чего смеяться: всё кругом смешно. А как иначе: Германия, пиво, полная свобода, мир, равенство, братство всех народов!

Ёлэрэсэтэ! Порфирий! Сергеич! – Здорово, Порфирий! Не слышит: прибор такой, старой модификации. Видно и слышно только в одну сторону. Не видно даже гнезда для микрофона. Каменный век! Надули!

Хотя китаец сказал, что есть там ещё не совсем раскрытые им функции, но это уже не его заботы, так как он вручил его мне навсегда, и ничуть не жалеет, так как ему уже всё это баловство надоело, а с меня, вполне может быть, – именно с таким посылом неуверенности сказал, – как со свеженького, мол, глядишь, и будет толк.

Я уже вертел приборчик раньше, круток совсем немног, но ничего нового так и не открыл. Туповат, наверное.

Ну ладно, смотрю дальше.

Остановился на Порфирии Сергеевиче. Кликуха его – Бим. Он мой товарищ. Вернее, того чувака в мониторе товарищ. Это приличная разница – я и тот «Я», который в мониторе. Разница примерно такая, как книжный герой и его живой прототип.

Сидит Бим с Кирьяном Егоровичом (можно Киря). И я чуть не кричу: «Это я, я, я!»

Сидел бы я в этот момент на публике, все бы на меня, как на идиота посмотрели бы. Но я не на публике, не в кафе, не в пивнушке. И поэтому можно орать. Удобная штука, скажу я вам! Я дома, перед компьютером, с этой китайской железякой. Можно приостанавливать зрелище, и даже вертеть крутку просмотра в любую сторону. Пока стесняюсь применять прибор на публике: мало ли что! Китаец, между прочим, меня предупредил, что если, мол, желаю быть живым и не ограбленным, лучше не высовываться, и никому приборчик не демонстрировать. Практической пользы от прибора я не вижу, ибо влиять на события я не могу. Я могу лишь рассмотреть подробности. Кроме того, я не уверен, что то, что я вижу на экране, соответствует тому, что было на самом деле. Собственно говоря, именно поэтому я и сижу с этой штуковиной. Я пытаюсь рассмотреть детали, а также проследить ход событий, и сопоставить с тем, что было на самом деле, и что мне показывает экран. Дела давнишние, поэтому многого я не помню. Но, если внимательно понаблюдать, то смогу заметить явные нестыковки. И тогда я могу железно предъявить китайцу претензии. Например, найти его, если он, конечно, к тому времени не помрёт, тьфу-тьфу-тьфу, и сказать примерно так: «Ты, дорогой Китаёза, вручил мне фуфло. Это не фактическая запись прошлого, а свободный пересказ, и, похоже, всё это сделано под твою диктовку.»

С другой же стороны, даже если это не машинка времени, в чём я практически уверен, но ещё не доказал, а фуфло – типа «Механического писателя с перфекционистской функцией, или даже нехай „а ля прима“», то всё равно это интересно. И даже можно было бы применить штуку в собственной литературе, ибо китаец ничего о нарушении каких-либо и чьих-либо авторских прав не говорил. А я – какая же это удача – я по вечерам всю «графоманю»! Я разве этого ещё не сообщал?

Ну так знайте наперёд. Да, я графоманю, и тем горжусь!

В общем, я даже не в растерянности. Я больше реалист и в беспочвенные фантазии не верю. Я просто наблюдаю и изучаю возможности прибора. А если кто-нибудь узнает

об этой штуке и попробует её у меня купить, то я пошлю его далеко-придалеко, так как Штука мне нравится самому!

2

В общем, я гляжу дальше.

И успокаиваю сам себя: «Да, это Я, собственной персоной. Похож. Почти не изменился. Разве-что выпляжу чуть моложе. Без маски, как в Слoppi.»

– Чего? Какой-такой маски? Какой-такой Слoppi? О чём это Вы, господин писатель?

Я: «Да ладно, проехали!»

Сидят они, короче, то есть Бим с Кирюхой, во дворе Хофброя и обсуждают породы деревьев, что там кругом понатыканы.

Хофброй, это Хофбройхаус – самый известный во всём мире пивной кабак, если что. Расположен он в Мюнхене. Мы для себя называли его «Мюнхом». Так оно смешнее, да и на латинице он так и звучит: «Munich». Только буква «и» тут должна быть с умляутом. Знаете, что такое «умляют»?

Нет? Я так и знал. Придётся отвлечься на это.

Значит вы не учили в детстве немецкого языка, а учили английский, или французский, с чем вас и поздравляю.

Поздравляю не с иронией, а по правде. Так-как вы всё правильно сделали.

Лоханулся это я.

Лоханулся давно. Примерно в 196... году, ещё в школе, перейдя... кажется, в пятый класс. Или в шестой.

Нам предлагались на выбор два языка. И я выбрал немецкий, потому как решил, что война с немцами ещё не совсем закончилась – так как закончились боевые действия, и был мир, а страна-то осталась!

И я считал, что следующей стычки нам не миновать... несмотря на то, что русские (наши «хорошие») намяли им (немцам, «плохим», они ещё в жутких, также немецких... а лучше в ужасных «фашистских» касках... против наших касок – кругленьких и красивых) ... словом, намяли им тогда бока изрядно.

Намяли ещё до моего рождения. И мой отец воевал не с ними, а с япошками, и то уже под конец войны.

И он по этой причине остался жив.

И даже поступил в институт, и там даже женился. Красава он сам! И невеста была огого! Позже эта красавица невеста стала моей мамой.

И со второй попытки мой папа, воевавший не с немцами, родил, разумеется, не без помощи моей мамы, меня – прекрасенького и поначалу глупенького мальчика.

Первой же, как и полагается по закону вредности, была девочка. Хотя, по биологическим правилам послевоенных лет, первенцам полагалось быть мальчиками.

И теперь я живу и треплюсь о Мюнхе... Находясь в самом Мюнхене. В самом-самом его центре.

Ну, да, извините, снова отвлёкся...

Просто я решил тогда – а мне было лет десять-двенадцать, уж не помню со сколько лет тогда в школе начинался иностранный язык, – что просто вся их нация такая наглая и суёт свой нос не в свои дела.

Во-первых, они постоянно на что-то претендуют, например, на звание лучшей нации, а если перевести, то бишь чуть ли не генетически болеют «нацизмом». Ну да, арийцы, голубая кровь, то-сё и пятое-десятое. Это я так в детстве считал. На самом деле – кто ж его знал. Воевали немцы, как и другие народы и страны, примерно поровну: а кто же, позвольте спросить, не хочет оттяпать у соседа землицы?

– Ведь зачем столько лишней землицы соседу? – думает каждый более-менее сильный народ. Слабенькие же, может и думают похоже, но они держат свой нос в тряпочке и стараются лишний раз его не высовывать. А вот в Германии – от осознания своего липового превосходства – перед Второй Мировой Войной чуть ли не все с ума посходили. И устроили такую бойню, какой в нашей цивилизации до того не было. В другой цивилизации, может было похлеще, но так мы того не знаем, а кто хочет узнать, так его тут же шлёпают мяконько так и ласково по шапке: не высовывайся, проклятый археолог! Если хочешь получать гранты, а не лечь в могилу преждевременно.

Кто виноват во второй мировой – теперь все знают, но многие помалкивают, ибо побаиваются откровенничать, а тогда, по крайней мере в нашей стране, думали просто: немцы. Немцы! То бишь фашисты. Побить их всех!

Во-вторых, считал я – молодой и зелёный сопливыш, коли их не отколошматили тогда «насмерть» и оставили для их размножения города и сёла, то они рано или поздно накопят силушек и снова на нас пойдут.

А в-третьих, поймите, что машины времени в то послевоенное время – извините за тавтологию – не было, и, соответственно, не представлялось возможным заглянуть в будущее, чтобы узнать – что же будет в будущем, и как там обстоит в плане войны.

Таким образом, дабы поучаствовать в будущей войне вооружённым немецким языком, а не бесполезным английским, я и выбрал его.

3

Не за то, что он в Мюнхене – это и школьнику понятно, а за то, что самый известный. Я там был, мёд-пиво пил. Правда, вместе с товарищами – это в 200... году. И ещё один раз – это значительно раньше – по заданию заказчика, как говорится. Не бойтесь, я не шпионил... Вернее, конечно же, шпионил, но не в том смысле, в каком вы могли себе вообразить. Я ездил воровать СТИЛЬ. Да-да, вы не ослышались. Именно стиль.

Дело в том, что я проектировал кабаки в одном сибирском городе – назовём его для конспирации «Угадайкой-тож». Или просто городом Угадай. Не слышали про такой? Так я же и говорю, что название это для конспирации. А на самом деле это обыкновенный Ке... Ой! Да что же это такое, братцы: ни одной тайны не могу утаить. Всё у меня так и соскакивает с языка. А это всё по тому, что я в какой-то степени играю сам с собой в писателя. А на самом деле я обыкновенный графоман...

Нет, немного не так... Не совсем уж обыкновенный, а слегка ленивый. Слышали что-нибудь о «ленивой графомании»? Нет? Вот, то-то и оно. Этот термин я придумал лично для себя – для упрощения графоманской жизни, а уж после этого он расползся по миру...

Деревьев много. Во дворе сплошная тень. Гул усиливается. Движение на уплотнение.

Радостно местной немчуре, приятно иностранным гостям.

И нашим путешественникам вместе со всеми весело. Прохладное пиво в полулитровых бокалах пьётся легко и непринужденно. Некуда торопиться: нету рядом отцов Ксан Ивановичей с их нудными сынами Малёхами.

Никто не торопит двух заблудившихся в немецком пивном раю русских путешественников.

– Кирюха, смотри, какая кора, – говорит Бим Кирьяну Егоровичу, и фотает кору дерева, ствол которого рядом с фонтанчиком и совсем близко от стола наших путешественников.

А кора действительно интересна фактурой. А нашим друзьям кажется даже сексуальной. Наверху и в середине кора как кора, а снизу кора лопнула. Голая прореха образовалась так, будто молния у девки расстегнулась. И развалился подол на две стороны, оголив пузо и ноги.

На месте, где у девки находится пузо, местный плотник приладил круглый столик, опоясавший вкруговую ствол. Получилась юбочка. Между юбочкой и пузом плотник вбил свежие клинья-распорки. Юбочка раскрашена тёмным цветом, а клинья свежие, сосновые. Руководство не особенно морочилось тщательностью деталей. Как ходили сюда немцы сотни лет, так и будут продолжать ходить без зазрения – зачем выёживаться изысками и пенд-рючить лишнее, если классное пиво перекрывает все имеющиеся недостатки?

Вот выходит из здания взрослая немецкая тётенька актуальной наружности в районе мест выпуклостей. Проходит в центр двора. Озирается, явно ищет кого-то. Затормозила, не найдя свиданщика. Остановилась у стола наших путешественников, не зная, куда щё дальше пойти. Продолжает зыркать по сторонам будто лучом тюремного прожектора. Наших в упор и насквозь не видит.

Тут-то и родилась у Порфирия Сергеича идея!

– Давай у неё спросим, что это за порода така, экзодрева нашего, – говорит Бим. – Видишь, она не занята пока. – Намекает, что позвать её должен Кирьян Егорович, как знающий несколько иностранных слов.

И Кирьян Егорыч тут же соглашается: «Вижу. Давай».

Он помахал рукой вальяжно, зовуще, радостно, будто издревля знакомой, или будто намеренны вынырнули из проститутской койки, прихорошились, побродили отдельно и вот, надо же, случайно нашлись.

Дама обратила внимание, застыла. Неужто знакомы? Вроде бы нет. Ну да ладно: чего надобно, старчи?

Сходу, подбирая немецкие слова попроще, спотыкаясь и останавливаясь после каждого слова, коверкая все аусшпрэхи, Кирьян Егорыч, включив по максимуму ласковость, спрашивает: «Guten Tag, Madame! Entschuldigen Sie bitte, ich habe eine Frage an Sie stellen?¹»

Дама добродетельнейшая окидывала взором мужиков, прицениваясь. Она сообразила, что от этих пожилых и бедных русских пьяниц с намёком на интеллигентный вид, великого худа не случится. Ладно, поболтаем, не убудет с меня.

– Wenn diese Frage ist einfach, so versuchen Sie. Sprechen Sie am besten, deutsch, oder englisch?²

Немецкая на вид дама, как ни странно, всего лишь на троечку знает немецкий. Подозрительно это! Уж не французская ли депутатка, которую застали врасплох за прелюбодеянием с иностранцем? Кирьян Егорыч на сто процентов уверен, что не меньше одного процента здесь – шпионы, обтяпывающие за пивком свои тёмные делишки.

– Извините, англиш не знаю. Я говорю немного по-немецки. Я учил его в школе, но знаю очень плохо. Sehr schlecht! Я был плохим мальчиком, хулиганом, – выговаривает Кирьян Егорович давно заученные фразы, подкрепляя их неистовой, почти «глухонемой» жестикულიцией. – А мой фрзунд тоже немножко шпрехает по дойч.

Дама посмеивается.

– Sie brauchen einen Dolmetscher. Ich verstehe Sie, ich glaube. Ich zuhore euch?³

– Madame, können sie mir sagen, wie heist diese Baum?⁴ – спрашивает Кирьян Егорович, показывая на раскидистое растение с зеленовато-бурым стволом. Дереву на вид около ста – ста пятидесяти лет.

Дама что-то говорит, но излишне быстро. Ни Кирьян Егорыч, ни Бим не поняли поначалу ни слова.

– Nicht ferschteen! Не понимаем. Говорите, пожалуйста, медленнее, – нижайше просит Кирьян Егорович.

– Или вот, напишите на салфетке, – предлагал Бим. И вытягивал из-под пепельницы салфетку. И на удивление быстро, учитывая охмеление, отыскал гелевую ручку.

Дама уронила грудь на стол. Она карябает на салфетке печатными буквами слово – отгадку. Салфетка мнётся волнами и ёрзает. Бим пытается помочь, придерживая её пальцем.

– Сама, сама.

Бим отскочил как ошпаренный. Лямбли её волнуют!

Пока фрау занята писаниной, Бим, находящийся сбоку и вне её зрения, впери́л взгляд сначала в даму, потом в Кирьяна Егоровича, закрутил о чём-то пальцами и зашевелил бровями. Кирьян Егорович понимает не сразу. А Бим пытался сказать, смотри, мол, какие сыт-ные сиськи!

Сообразил Кирьян Егорович: «Вижу, вижу». И так же знаками отвечает. Он в самом начале знакомства оценил главное достоинство дамы.

– Аккуратней маячь! Заметит ещё! – сигналит он Биму ресницами. И беззвучно вышелеливает губами тайную директиву.

¹ – Мадам, здравствуйте! Извините, пожалуйста, можно задать Вам один вопрос?

² – Если вопрос не сложный, то попробуйте. Вы как говорите лучше: по-немецки или по-английски?

³ – Вам нужен переводчик. Но я понимаю, кажется. Я вас слушаю.

⁴ – Мадам, подскажите, как называется это дерево?

Дама подвигает салфетку ближе к любопытным чужестранцам.

– А-а! – радостно закричали, склонив головы над салфеткой и треснувшись ушами. Разобрали каракули!

– Castanea, Kastanienbaum! Каштан! Это каштан!

– Ja, ja. Kastan, Castanea, – подтверждает дама с коротким гортанным смешком. Вот же неучи! Она уже несколько не довольна, что клюнула на разговор. – Судя по рисунку листьев, да, это каштан. Их несколько видов. Я точно не знаю, какой этот. – И затихла, не зная что добавить ещё.

– Это не то ли дерево (баум), у которого плоды (слово «плоды» Кирьян Егорович не знал и заменил его колечком из пальцев, которое засунул в рот) едят (эссен) свиньи (швайн, хрю-хрю)? – спрашивал наивный Кирьян Егорович.

Дама засмеялась.

– Что Вы, скорее его плоды едят французы. Хотя свиньям это, пожалуй, тоже нравится... Hrü—hrü, понимаете-нет? Русские свинюшки, орангутанги волосатые. Понимаете?

Даме весело. От собственной ребячьей выходки залилась смехом. Какие ЭТИ смешные! Нет, не страшные они, и не такие уж противные. Просто приезжие клоуны. Пытаются её рассмешить.

Объясняют на пальцах и всяко разное ЭТИ Бим с Кирьяном Егоровичем:

– Спасибо, мадам. А то у нас вышел спор. Мы подумали сначала, что это дерево ист платан.

Чего вот прицепились с деревом к даме? Могли бы поговорить о проблемах полов.

Дама понимает причину мужской разговорчивости: у неё неплохая внешность. Она знает, какой небесной красоты грудью, бишь сокровищем, бишь провокацией обладает.

– Очень, очень смешно, но это всё-таки каштан. У каштана отслаивается кора, видите? Это свойство у него такое, – говорит дама. И показывает на то место дерева у основания, которое сфотографировал Бим. – Вот как здесь. И оно, это дерево, называется «бесстыдницей». Извините. Как плохая кляйне фрау. Кстати, бывает ещё каштан для лошадей: конский каштан, слышали такой?

– Не понимаем, не понимаем. Какого животного разумеете?

– Иго-го, понимаете? Цок-цок-цок. Копыта. По булыжник. Хвостом по мухам. Грива. Человек сверху. Всадник, понимаете?

– А! Понимаем! Лошадь, всадник без головы. Цок-цок. КОНСКИЙ КАШТАН! Ты догнал, Кирюха?

– Да понял я, ещё вперёд тебя! Не ори так. Люди смотрят.

– Почему так – не знаю, – продолжала дама с грудью. – Похоже на какашки... плоды... Понимаете?

– А то! Лошадиное говно.

– А этот каштан простой.

– Простой, без говна. Понимаем. Без плодов, да?

– Может это тогда платан? Раз отслаивается кора? Где плоды? Нетути плодов... – пальцами и жующими губами изъясняется Кирьян Егорович.

– Нет, это всё-таки каштан. Листья – звёздочкой.

Дама, поддаваясь на артистичное жестикулирование Кирьяна Егоровича и Бима, растопыривает пальцы и показывает на небо. Изображает нахт (ночь) и звёзды в нахте.

– Шесть листьев. Айн, цвай, драй, фир, фюнф, зэкс – шесть! А плодов нет, потому что ещё только идёт geen-geen весна. Fruchling. Вот так-то, молодые Menshen (меньши – люди).

Из последнего ничего не поняли кроме весны и меньшей. Но все равно спасибо.

– Спасибо, мадама. Данкэшон!

– Пожалуйста, господа. Вы, наверно, русские. У вас каштан, данкэшон, эскюзьми, разве не растёт?

– Мы из России. Из Сибири. В Сибири каштан не растёт. Только в Крыму, но теперь Крым это Украина, не СССР там. Россия (Раша) отдельно, Украина (Хохланд) отдельно.

– А-а-а! Понимаю.

– Но можно попробовать посадить в сибирской оранжерее. Бим, у нас в оранжерее есть же каштан?

– Кто его знает, – говорит Бим.

– Мадам, спасибо большое!

Данкэшуют фир-фюнф раз.

Дама: «Пожалуйста. Далеко же вы заехали!»

– Зэкс... э-э-э... Кирюх, как тыща по-немецки?

– Таузенд.

– Зэкс таузенд километр ан ден, как там, ден-дер... Мюнх, – бормотал Бим, проявляя умственное усилие на лице.

– Восемь тысяч, – приукрасил расстояние Кирьян Егорыч.

– Wau! Aufwiedersehen! Прощайте, успеха! Glücklich!

– Может пивка с нами? – запоздало осведомляется Кирьян Егорыч.

Дама рыбой хватала воздух в ответ, и едва слышно шелестела губами.

– Что она сказала в конце? – спросил Бим, когда дамочка удалилась в зону неслышимости.

– Говорит, нормальные вы типа парни. Влюбилась. И говорит, что под тем вон каштаном отдалась бы. Но некогда ей: её хахаль вон тот вон ждёт. ...А это каштан. А плодов нет. Врёт наверно. Как двадцать девятый бюллетень⁵. Не француженка, поди, откуда ей точно знать.

– Платаны-каштаны... – задумчиво тянет Бим, сильно прононсируя шипящие, гласные и согласные, – в Парижике поточнее спросим. Там есть такие сиськи?

– Куда они нах денутся! Ещё лучше есть. Там же все негритоски.

Бим обожает негритосок, но от этой дамы, ей богу, не отказался бы.

⁵ Последний военный бюллетень Наполеона, где своё поражение в войне 1812 года он списывает на русский мороз.

Арнольд Второй

Теги иллюстрации: Бим, трубы, игра на двух трубах

– ...Я бы, это самое, обратился бы... в эту нашу богадельню. В концертню. В филармонию. А тут ансамбль ихней песни и пляски. Поют в штанах. Лямки крестом. Старые сами. И баба на меня смотрит, – рассказывает Бим про свои похождения по Хофброю в поисках туалета, – а я чё-то другое там пел. Другую. Русскую.

Я сейчас сделал бы это: зондер команден, унтер офицерен – запел Бим... Вот бурчат, блинЪ. Подумал – педагог, блин. Подумал, подумал. Иблысь! Еврейчик! Типа, а ты чего, а я говорю чо-чо. Я говорю: айн цвай... год скоко... Год сколько лет. Как скоко?

Бим путает немецкий язык с каким-то ещё. Вспоминать для него правильное произношение и переводы Кирьян Егорыч уже заи... устал. И что хочет сказать Бим – тоже не просто вычислить. Для этого нужно прожить с Бимом месяца два минимум, научиться понимать полунамёки, жесты и угадывать глубокие трёхходовые ассоциации.

– Год? Год? Ярэ альт, – перевёл Кирьян Егорыч. – Айн ярэ альт. – Голос у него тороплив и мерзок. Кстати, как и его *шванкские* тексты.

– Два года я, короче... Как «два»?

– Два года? Цвай ярэ альт. Просто.

– Труба... трубэйн, – я с тобой уже по-нерусски разговариваю, – засмеялся Бим, – ну Арнольд! Второй! Труба как?

Бим, похоже, вспоминает *сорт трубы* – «альт». Но, никто друг дружку не понимает.

– Чо труба, не знаю трубу? По-немецки не знаю. Что два яра альт? Может два года ты на трубе не играл... или двести?

– Того никто не ведает. Может вообще не играл. А тому Гансу же интересно. Руссия всё-таки. Я с флажком ихним. С бородой. Член-блин клуба ихнего. Без ключа токо. Ан, цвай... Я с тобой опять по-нерусски калякаю, – потешается Бим сам над собой, обнажая два с половиной жёлтых, притупленных необыкновенно разнообразной российской жизнью, клыка.

– А ты, это... челюсти что ли в общаге оставил? – спрашивал тогда К.Е.

– Нет, в наххаузе. В сибирской. Я рассказывал... Ну, это, он говорит: а как чего? А я говорю: – дай трубу, я тебе это, изображу. Он ...Трубу подали, ну я ему я... И играю всё это. На Арнольде.

Кирьян Егорыч представил, как Бим дудит в трубу. Так ему дудение показалось забавным, что голова без спросу воткнулась в свободное место между кружек.

– Ну, блин, рассмешил. Я чуть не лопнул, – сказал он. И вытер с лица следы чистосердечно нахлынувшего, испуганного веселья. Нашла бы Малышева такому явлению логическое объяснение?

– А и не смешно, – продолжал Бим. – Так оно и было. Вот он говорит: а ты вот эту сыграй песенку. А я ему: ну ты даешь! Я без нотов не могу, а по нотам я сыграю. Бемоли и мне, дизы, ну и это ...давай, мол. А он говорит: а ты ето ...без нот на слух никак? А я ему: – не-е-е, ты напиши, а я все сделаю. Он: – Ага, и бумагу просит... Я – не-е-ет! ...Ваня их всё понял, ну Ганс: ну слуха нет, блин... и грамоты. Найн! Нихт! Вот, блин, ну мы вот домой приедем, долго переучиваться будем на русский язык...

Через минуту-другую: «Знают Россию нашу! Воевали скоко?»

– Четыре года, – уверенно отвечал Кирьян Егорович.

Что-что, а тема войны Кирьян Егорычу знакома.

В отрочестве сей любознательный книголюб и воевода пластилиновых человечков (компьютерными игрушками в те годы даже не пахло) Кирюша запоем и тайком от роди-

теля, под подушкой с фонариком читал огромную книгу «Weltkrieg». Издательства Stuttgart, одна тыща девятьсот пятьдесят седьмого года издания, в русском переводе, с редкими – зато меткими – картинками. Писали там немецкие генералы и офицеры, обеляя свои поступки (боролись с мировым коммунизмом), красуясь перед самими собой и переваливая всю вину на фюрера. Будто насильно гнали.

– А не всех насильничали своих. Кто-то по желанию шёл, – утверждал Кирьян Егорович.

Бим замолк, но не на долго. И талдыкал о своём:

– Язык никакущий. А я их на пальцах: шпрехен зи дойч? Дойч, дойч, говорят. Гут зер! Понимэ! Россия, во! А пусть боятся. Мы их ещё, если они опять.

– Хэнде хох и на стройку, – поддержал Кирьян Егорович.

– А у СС под мышкой наколка, – сказал Бим. – Значок зэт-зэт – две молнии, как у нас на трансфер... трансфор... я правильно говорю? Это, ну ты понимаешь: на ём, на ма-торе то есть. Транс. Фэ в середине. Наши как их в плен брали, первым делом: «Руки вверх, типа. Если значок есть, то к стенке. А простых в плен: а поживите пока!

– Ещё у их шпиёнов в паспортах скрепки из нержавеющейки, – добавил Кирьян Егорович.

Ему это ещё отец рассказывал. Байка эта столь правдива, что от этого, видимо, и сильна. Просто анекдот. До сих пор с регулярностью раз в три года мелькнёт эта история то в СМИ, то расскажут в ресторане: делясь знаниями о войне и немецкой пунктуальности, доходящей до абсурда. Даже в шпионском деле.

Забыты настоящие истоки знания. Может, и было-то один раз всего. А запомнилось. И растрезвонилось. Так эта байка, правда ли, русским нравится.

– Они ж аккуратные, а мы-то русские. У нас ржавые у всех скрепки – железо, блин. Если не ржавые, то шпион! Так и отловили половину. Они до сих пор понять не могут – как же их всех тогда растудыкали.

Бешеная таможня

Теги иллюстрации:

Бешеная таможня с нашими старичками-пацанами, пенёк в багажнике

Дорогу от татарского мотеля через Москву до Бреста Бим помнит. Но помнит смутно. Звуками как путешествие ёжика в тумане как путешествие ёжика как путешествие ёжика... В тумане тумане тумане...

Он преимущественно молчал и, странное дело, после Москвы даже не требовал пива. Преданный огласке его босой поход по Москве развеселил одного только Малёху, до того считавшего выпущенных метеоров.

Кириян Егорович дулся вовнутрь себя невесту с какой целью.

Ксан Иваныч считал, что с Москвой вообще пронесло: милиция могла запросто обвинить Бима в неуважении столицы.

– Надо же, даёт! Сверчок Сибири!

Всё шло по маршрутному графику, прописанному генералом, единственно только, что с приличным отставанием по времени.

Своё необычно вялое и по-депрессивному непивное, обобщающе говоря – довольно-таки фаллосное настроение... Бим не мог объяснить толком даже себе.

Ковырялся в ухе, чесал нос, издевался над лямблиями.

Через час завёл речь о вреде курения.

Чуть позже вспомнил колумбийскую мафию.

Раз десять интересовался любимыми сортами Кирияновского табака.

Пару раз слюбопытничал: А не подсыпал ли, мол, дедушка Кирюня в трубчонку (ну, случайно, ошибочно как-нибудь, ну так он разумеет) ну чего-нибудь лишнего? Простите его, если что не так, ну такой уж он прямой человек. И так далее, и тому подобное. Етс, как говорится.

Конечно же, Кириян Егорович ничего не подсыпал.

Прочие двое заговорщиков с рыльцами в ещё большем пушку (на правах заказчиков), само собой тоже ничего не подсыпали. Более того, слышать подобных наговоров на честных мэнов они не желали.

Вообще, если рассуждать дальше, «сидят», где положено сидеть в таких случаях, чаще всего не заказчики, а исполнители замыслов.

Тайна до поры оставалась скрытой семью печатями.

♥♥♥

На границе Бим вёл себя предельно послушно и, как показалось Егорычу, преувеличено любезно.

И вот же диво дивное: ни *лохи советикус белорусо*, ни изощренные на всякие такие дела продажные *до НАТО европоляки* не расчухали в Биме не только следов лекарства от буйности, но даже последствий распития славных брестских напитков.

Таков уж тип человека – дедушка Бим.

И не важно, что без зубов. Вставную челюсть Бим в суматохе оставил на родине. Но, с регулярностью осужденного на виселицу, сомневался. И шмонал в поисках все автомобильные закоулки, и перерывал свои, слава богу, немногочисленные, авоськи. И предлагал порыться в чужих вещах – мало ли, мол, что.

Поиски таможни ни к чему полезному для них не привели.

– «Если вам при обыске случайно попадутся какие-нибудь челюсти, то непременно скажите», – такая вертелось на бимовском уму фраза.

Но он молчал, так как слово «обыск» в данном случае не являлось корректным. А синоним «обыску» не мог подобрать, хоть и порывался. Начинаясь второпях фраза обрывалась на самом интересном месте, интригуя таможенню: «Что же всё-таки важного хотел сообщить им этот будто незаметно побитый русский. Да уж не взят ли он в залог остальными, которые – против указанного дедушки – выглядели невыносимо, по-обидному дерзко?»

Трава наглухо отбила основную бимовскую память. Бимовский софт работал на *мумийного типа* оперативке с *древнеегипетским* интерфейсом.

Надо отметить, что битком набитый автомобиль Рено взору лукашенковских таможенников понравился больше остальных.

Ровно так, как объявлял на планёрках Бим.

Все роли в космической капсуле, называемой «Рено», были распределены между членами команды.

Бим брался работать агентом Гринписа... стоп-стоп! Немного не так: если углубиться в историю вопроса, то, скорее он хотел быть как бы контроллером или датчиком-измерителем чистоты. Разумеется, по гринписовским ГОСТам. То есть, иницилируя начало деятельности по указанной тематике, он собирался преимущественно наблюдать и руководить. Что, разумеется, не исключало его участия в сборе последних пылинок. Биму желалось экспериментировать результаты, а не превращаться в *главылесос*. Ибо, это уж слишком!

Задумка отличная! Всё чётко, как в приличной армии, где ничего не делается вне устава. Кто служил, тот знает, что вся деятельность в армии расписана Уставом: и никакой, блТ, мать твою, самостоятельности.

Даже виды дозволенной инициативы прописаны и проклассифицированы Уставом.

Соответственно минимизируются ошибки.

Бим при всём своём желании не мог служить обещанным Гринписом. С Бимом всегда так. Что бы он не обещал, всегда проваливалось именно в час икс.

♥♥♥

Машину подняли в значимости, выдернув из общего потока.

Велели вырулить на спецстоянку, устроенную в укромном уголке задворок.

Четверо чинов, не считая пятой подошедшей женщины с поводком, но без положенной собачки, – чему поначалу угрюмый Малёха несказанно обрадовался, – начали длительный досмотр.

Досмотр походил на милицейский шмон в напрочь засвеченном наркопритоне.

Фэйсконтроль остановленных лиц не дал таможене ничего, кроме убеждённости в наличии не раскрытых до поры преступных замыслов.

Испытанному в пьянствах и потому наиболее адекватному Кирьяну Егоровичу за всеми действиями чохом не усмотреть.

И он сосредоточился на главном: за передвижением денежных масс. Особенно возвратом личных накоплений.

Деньги были отняты таможенниками под странным предлогом.

Их считали и по несколько раз пересчитывали, передавая из рук в руки.

Деньги группы порой исчезали из виду – как бедные кролики в цилиндре. Потом появлялись снова, но в другой конфигурации и очередности листажа.

– Настоящие напёрсточники, – восхищён Кирьян Егорович ловкостью рук. – Точно наибут.

Лукашенковские таможенники с пограничниками на нормальных служивых не тянули. Они больше напоминали весёлый цыганский балаган. А цыгане будто увлечены делёжкой только что и «по добру» подаренных им денег.

Содержимое набитого ерундой багажника заинтриговало больше всего. Лучше бабла.

К плохо скрываемому сожалению, ничего эдакого особенного найдено не было.

Даже шины, бамперы и днище были в порядке. Ничего лишнего они не содержали.

Засучить русские рукава, чтобы проверить целостность вен, просить постеснялись. Да и в правилах досмотра такого нету.

Лёгкое недоумение (как и планировалось путешественниками-разгильдяями) вызвало сосновое полено (пень, бревно).

Отношение к нему у путешественников разное. *Бим-Грин Пис* молчал в тряпку, поджав хвост. Аргументация Бим-Грин Писа выветрилась ещё под Казанью.

– Это что? – спросила таможенница.

– Полено, – сказал Ксан Иваныч. И с выражением посмотрел на Бима: вот видишь, мол, я предупреждал.

– Больше похоже на пень.

– Пусть будет Пень, – и Бим заулыбался. Он и сам знал, что этот живой предмет зовут Пнём. Добавил искренне: «Он мой товарищ».

Дама незаметно для Бима, предназначенно для своих покрутила пальцем у виска.

– Куда везём *товарища*?

Хором: – Никуда. – Это всё для растопки. – Мы туристы.

Печаль у одних. Недоверие у других. А в основном усмешка.

Путешественниками расшифровывается: «Май на дворе. В России в мае холодно».

Подозрение во лжи:

– А почему до сих пор не использовали?

– Холодно ещё ночевать в палатках.

– Что, и палатки есть?

– А как же.

– Где?

– Вот.

Царапаясь о пень, шупают палатку прямо в багажнике.

– Можем развернуть, если что, – предлагает помощь Ксан Иваныч.

Не желают. Леня ждать:

– Ладно, не надо. Верим.

– А зря: в палатку ВДРУГ завёрнут динамит или БОНБА.

???

– Шутка!

– На десять суток хотите?

– Нет.

– Значит, палатками, говорите, пользоваться будете на обратном пути?

– Вроде того.

Потеплело.

– Что в этом железном ящике?

– В алюминиевом. Самое ценное и желанное для сказки жизни (есть ещё силы шутить) – еда и питьё.

- Откройте. Мы посмотрим.
- Открыли. Покопались. Вкусно. Много.
- Деньги, маршрутная карта есть?
- Деньги есть. У Вас на руках. Маршрута нет. Мы свободно путешествуем.
- Куда?
- По Европе.
- Какие страны?
- Как придётся.
- Очень любопытно. Вас где-то ждут?
- Нас везде подождут.
- Денег хватит?
- Хватает пока.
- С нами не шутят.
- Вы же деньги считали.
- Считали. А ещё есть?
- Замешательство. – Нам хватит этого.
- Придумали: «Как будете полено колоть? Топор есть?»
- Разумеется.
- Не положен топор.
- А что так?
- Ничего. Не положено и всё тут!
- Сверкнуло с обеих сторон. Клацнуло затворами с обеих сторон. Выпучились зрачки.
- Ну, забирайте тогда.
- Вытащили. Забрали. Переглянулись: как же топор-то сразу не вычислили.
- Может, пила есть?
- А вот пилы, к сожалению, нет.
- Денег сколько, говорите?
- Четыре тыщи. Вы же считали.
- Каких?
- Евро.
- На всех?
- На каждого, естественно. Вы же видели.
- Вау! Ого!

Стражи порядка удивляются. По прикиду «этих» (намёк на видосы Порфирия и Кирьяна Егоровича) и не подумаете.

Бим на ушко решил напомнить Кирьяну Егоровичу, что он абсолютно трезв, адекватен и помнит всё хорошее: «Кирюха, у нас общак ещё есть».

Кирьян Егорович будто вскрыл шампанское: «Ч-ш-ш. Бля».

Общак у него спрятан от сглазу и для надлежащей сохранности в поясной сумке. Но поздно. Он ненароком дёрнулся и автоматически прикрыл рукой живот.

Ушастые просекли:

- Что у вас тут под курткой? Покажите-ка.
- Зачем?
- Вопросы тут задаём мы.
- Понятно.

Кирьян Егорович, мешкая с застёжкой, отцепил бардачок. Показал.

Отобрали. Присовокупили к награбленному.

- Хотели скрыть? С нами не пройдёт.
- Зачем скрыть! Это рубли на обратную дорогу.

Пересчитали и это. – Ого! Не рубли, а тыщи тыщ! Не бедные Буратины!

– Какой у вашего рубля курс?

– Как у всех.

Держат в руках. Перемножают на свой заячий⁶ курс, пытаюсь подловить.

Размер mzды, что ли вычисляют (исходя из количества наличности)?

Кирьян Егорович следит за мелькающими пограничными руками: им спереть – как в рожу соседа по площадке плюнуть.

– Не попутайте с другими деньгами, – сказал К.Е., насильно распирая зрение, когда очко, не вытерпев напряжения, нервно задрогалось, – понимаете, я – бухгалтер. Менеджер компании. Я отвечаю за экспедицию. Финансово.

– У вас экспедиция?

– Мы так шутим.

– С нами нельзя шутить. Вы на государственной границе.

(Плевать!)

– Валюту декларировали?

– Зачем?

– Мы задаём вопросы. Вы отвечаете. Без вариантов. Да, или нет. Понятно?

(Мы не бандиты, чтобы так вот!)

– Нет.

– Что нет?

– Вы сами просили: да, нет.

– Объясните нормально.

– Нет, не декларировали.

– Почему?

– Сумма не та, чтобы декларировать.

– Сильно грамотные?

– Читали условия. Верните нам деньги. Пожалуйста сейчас. Попутаете ненароком.

– Вы своих денег не знаете?

– Знаем. Отдайте. Пожалуйста.

(Конечно! они же меченые инициалами. Чего их, право, теревить).

– После отдадим, если...

– После чего, извините, если?

– Проверим до конца машину и тогда посмотрим.

– Проверяйте. Смотрите. Мы не против.

– Не грубите.

Молчание. Проверяют с начала до конца. И в обратном порядке. Обшарили называется.

Ещё раз попинали шины.

– Воздух щас спускать начнут, – подумал молодой.

Не стали. Заглянули ещё раз под днище. Залезли ещё раз на крышу и ещё на раз пошупали в чемодане.

Слава богу, не заставили скручивать винты. Это хлопотно и в условиях цейтнота совсем не интересно.

Пораспахивали и простучали дверцы ещё раз.

(Мы похожи на жуликов?)

Ничего нет подозрительного. Наркотой (к сожалению) даже не пахнет.

– А сами будто замороженные, – думает главный наркоспец.

⁶ Тут без обид! Зайчики – основные белорусские деньги.

Он припёрся без натасканной Жучки, и ему без Жучки тяжко. Нюх у него не тот, что у Жучки. Товарищи по службе молча и скорбно выражали коллеге комплект презрения.

За собаку больше наркспеца переживает Малёха. Ему меньше всех здесь нужна собака:

– Где же, блЪ, собака? Померла или сидит в сортире и скоро придёт? Чтоб ей там сдохнуть!

– Рыльце-то, похоже, у парня в пушку, – закрадывается подозрение у Бима. – Поди, не всё выложил, сучончик. Припрятал, как пить дать!

– Наркотики, запрещённые предметы, оружие, золото, драгоценности, спиртное вывозим?

– Вывозим.

Вот те и на! Пограничники переглянулись. Вот она где русская простота!

– Что из перечисленного?

– Белорусское пиво, бутылку вашего гереса...

Херес был произнесён с особой интонацией.

– Просто хереса! – рявкнула оскорблённая фуражка.

– Нашу водку... просто водку (осталось совсем чуть-чуть), колбасы в ассортименте, мясо копчёное и...

– Хорошо, хватит перечислять. Говорите по сути. Сколько?

– Чего сколько?

– Сколько выпили и съели? И что вывозите?

– Всё, что не съели вчера... из вашего магазина.

– Просто из магазина. И как, понравилось?

– Очень вкусно.

– Хорошо. Что в бутылке?

– Я честно сказал: беларусьводка.

Понюхали. Поправили: «Просто водка. Выливайте».

– Зачем?

– Бутылка открыта. (ага, коктейль Молотова, ща взорвётся) На границе не положено. Вдруг подожжёте.

Ну дела! Вылил в газон.

– Сюда нельзя.

– Поздно сказали. А стекло куда?

– Стекло туда, куда вы вылили... Так поступать некультурно даже. А вы находитесь на границе не своего государства. А вы у себя дома куда выливаете?

Хмыкнула Кирияна Егоровича носоглотка. Ксан Иваныч посмурнел всем телом и не стал чесать пузо, хотя желалось. Малёха превратился в ком страха, хотя лучше бы в горсть смеха.

– Я и говорю: куда пустую бутылку деть?

– А! Понятней выражайтесь. Бутылку... поозирались... вон в тот контейнер.

– Малёха, отнеси!

– Я же не пил.

(Ну и что же, смотрел как мы пили! – Соучастник).

Отнёс самый старший, хотя тоже (якобы) не пил. А если и пил, то понарошечную капельку. Выбросил.

– Так?

– Что так?

– Всё в порядке?

– Нет. Сигареты?

– Есть.

– Сколько?

– Каждому по блоку.

На самом деле в два раза больше. И по три-четыре пачки по карманам, и в клапанах дверей, и в багажнике, и рассыпью: путешественники готовились со знанием дела.

– Запрещено. Читали правила?

– Читали. Всё как положено в международных правилах согласно подписанному договору.

– Со вчерашнего дня в Шенгене новые нормы. (Предусмотрительный Ксан Иваныч был прав. Неожиданности возникают буквально из ниоткуда).

– Как это? На что?

– На сигареты, на табак, на спиртное.

(Гроза! Гром средь...)

– Забирайте лишнее, – пригорюнившись. – Хотя бы надо предупреждать... за месяц.

Простили мальчиков. Лишнего не забрали.

– Тут можно курить? – осмелел Бим.

Курнула вся толпа. Пограничники тоже. Временно постояли в кураже кружка. Не будучи друзьями, изучали устройство асфальта.

– Ремонт нужен, – сказал Бим. – Дерьмецовый асфальтик.

– У себя ремонтируйте.

– Мы волосатые.

– Нам без разницы. Сами не лысые.

Накурились.

Следующий этап: «А ну-ка дыхните».

(Вы не гаишники ли?)

– Ну ладно. Куда?

– Сюда. Теперь Вы, Вы и Вы.

– Пили?

– Естественно. Мы же не в самолёте. Выпили понемножку. Все, кроме водителя.

– Я не пил, – обособился Малёха.

Ксан Иваныч с вечера выпил изрядно, но всю ночь в карауле рта дежурила жвачка. И зажевал Ксан Иваныч с утра чем-то эффективным. Дополнительно приснул одеколону в лацканы. А пиджак помят. Хоть и красив, и плюшев.

Пограничникам видимо снова вспомнилось бревно.

– Время, что ли, тянут? – подумалось Кирьяну Егоровичу. – Ну и зачем, интересно? На измор хотят взять? Не выйдет. У нас билетов нету.

Точно. Начинается: «Так, и зачем вам теперь бревно без топора?»

– Забирайте бревно, – излишне торопясь, отвечал Ксан Иваныч. Ему без этих ста с лишним килограмм даже лучше.

Бим сопротивляется: «Это мой Пень. Частная собственность. Не отдам».

– Так, тогда ещё раз и подробнее: зачем Вам бревно?

– Везу Пенёк в Париж.

– Зачем именно в Париже бревно? (На Пень не реагируют. Не чувствуют большой буквы в торжественном этом слове).

– Я ещё валенки хотел взять.

– Сувенирные? На продажу, для подарка? А где валенки? Можно полюбопытствовать?

– Дома в спешке забыл.

ИЗДЕВАЮТСЯ! – враги подумали враз.

– Уточните ещё: «Зачем бревно в Париже?»

– У Эйфеля на нём посидеть в валенках.

- Шутите?
- Истинная правда. Сфотаться на нём хотел.
- Зачем?
- Я фотохудожник.
- Вы шутник!
- Я русский волосатый.
- Видим, что русский шутник. Что в бревне... волосатый шутник?
- В пне древесина и сердцевина. Немного корней. Распилите, если хотите.
- Назад захотели?
- Нет, я вперёд хочу. В Париж еду.
- Езжайте без бревна.
- Без Пня не могу. У меня цель, – и поправился, – две цели.
- Вытаскивайте бревно. Мы посмотрим.
- Вы можете?
- Ещё чего!
- Вызывайте подъёмный кран.
- Зачем?
- Мы грузили его впрягом. А нас четверо.
- Что на вашем (бля) пне-бревне за надрезы?
- Я его пилил, потом склеивал.
- Складки удивления во лбах.
- Зачем пилили?
- Чтобы в двери пролезло.
- СДАЛИСЬ: «Ну же и идиоты! Хрен с вами. Пусть лежит».
- Ксан Иванович: «Вещи можно назад складировать?»
- Бим: «Взад».
- Назад! (Полнейшие идиоты. Может врача вызвать?хлопотно звать врача). – Да. И, пожалуйста, побыстрее. Вы нас задерживаете.
- (А вы нас разве нет?)
- Спасибо. Вы нас выручили.
- Отдайте им топорик в виде исключения.
- Спасибо.
- Действительно, кому нужен этот расчудесный пень-бревно без топорика.
- Мы вас на обратном пути проверим.
- Очень приятно! Мы с вами тоже готовы встретиться.
- (Обратный путь в Россию планировался через Хельсинки. Билеты на паром оплачены заранее. Идите в жопу).
- Билеты на обратную дорогу?
- Мы на машине.
- В отелях бронь есть?
- По месту решим. Мы свободные путешественники.
- Мотели, кемпинги, хостелы, так?
- Разумеется.
- Дорожная карта Европы?
- Бумажная и в Гугле.
- Компьютер везёте?
- Ноутбук.
- Декларировали?
- Зачем?

– Хорошо. Справка о...

– Есть.

– Гринкарта?

– Есть.

– Джипизэ?

– В машине.

– Возвращаемся через?

– ...Белоруссию.

Это слаженным хором. О Финляндии договорились молчать как пярнусские рыбаки в российских водах. Как гринписцы молчат за решёткой.

– Приятного пути.

– Честь имеем.

Ксан Иваныч зелёный от макушки.

Круговое движение да и про «те» не забудь... те

Теги иллюстрации:

«-те», круговое движение, небесные Машка и Катька, рулоны текста

Порфирию Сергеевичу Биму-Нетотову очень нравилась задумка с уважительной пристройкой «-ТЕ» к заднему фасаду глаголов повелительного наклонения единственного числа. Вовремя приляпываемая либеральная пристройка помогала выкружить даже в тех горячих ситуациях, когда разговоры шли на повышенных тонах. И когда все обращения осуществлялись на грубое «ты» (козёл, идиот, сука распоследняя, блЪ).

А также в качестве второго номинанта Биму импонировало и грело душу тела уёмистое словечко «клумба». Термин спонтанно родился где-то на полпути. И «вдля спрокую сжотом» виде обозначало «любое круговое движение»: по трассе или по улице независимо от диаметра огибаемой окружности. Огибаемая колёсами окружность, как ни верти, составляла размер в два пи и, как правило, охреневающе малого Радиуса.

Термин же «круговое движение» произносится категоричными навигаторшами – ино-странкой Катькой и русской Машкой с некоторым пренебрежительным оттенком.

По их мнению, круговое движение из типового набора – примитивнейший элемент дорожного испытания по сравнению с прочими трюками мат-анализа, достойными профессоров биробиджанского конного цирка.

– «Кру-го-во-е дви-же-ни-е»... – едва шевеля мозгами и долбя смёрзшиеся губы изрекает далёкая космическая дама. Вставить бы ей в трахею ускоритель! Шлёпнуть бы её в трахало!

При этом Машка с силой камнедробилки жуёт металлический огурец. При этом вертит двенадцатью телескопами (она многорукая Шива) и сидит сразу в четырёх спутниках (она будто миллиардерша и катается за свои).

Она частично отвечает за культурную границу. Она сердится оттого, что все русские едут за рубеж исключительно для того, чтобы жрать водку: «Они «ду ист, зи зинд крайне тупой рашен дядькен».

Для большего понимания её слов ограниченными людишками, едва тащущимся в своих крохотных коробочках по планетной поверхности, она произносит скверно вызубренный текст по слогам. Так дают диктант для полных идиотов (сиречь американских шулеров и русских неграмотных, скудволосатых мужиков, оседлавших едва подсиленный им колёсный механизм передвижения).

Машка на самом деле не русская. Она на самом деле всего лишь дорогая переводчица на русский.

Она не проститутка, но презирует русских шоферов и русский синтаксис.

Кроме того, она не уважает русский метод расстановки знаков препинания и игнорирует русские окончания падежей.

Тем самым испытывает безграничное водительское терпение.

Она сука (ладно, пусть маленькая, чуть-чуть вредоносная, а кто его знает, может симпотная металлическая сучка – сильны на выдумки эти навигаторские паразиты) напрягает не только человека за рулём, но и ему соболезнающих пассажиров.

Фразы на малых тех окружностях формируются до того неторопливо, что на произношение номера поворота ей уже не хватает времени.

Сидящие на заднем сиденьи считают озвученные номера на пальцах.

Малёха декламирует вслух с запозданием по фазе: «Вот третий прошли сейчас будет четвёооооортый чёрт пап заворааааа да клёпанный же в лоб папа ну чт... ззззз...» И завершает нормативный стишок неперемнная: «Бля-а-а-а!» Всё! Стих испорчен.

– Круговое дви-и-и... – снова заморачивается Машка.

На окончание « – же-ни-е» Ксан Иваныч нужный поворот традиционно промахивал. А по оглашению Машкой номера Ксан Иваныч из клумбы уже начисто вываливался. И естественно, что в другую дырку, и, естественно, что в самом неподходящем месте.

Это удлиняет суммарный путь.

Порфирий тут же ставит «минус» в графе «Огрёбки» маршрутного журнала, и заполняет графу «Примечания» тегами.

Он коллекционирует, считает и классифицирует ошибки, чтобы вечером их обсудить и наказать виновника.

У поворота на Бремен – это будет позже – в журнале за счёт минусов кончатся страницы, и он плюнет в последнюю: «Всё, заУбало!»

Поэтому Бремен – сплошная ошибка – будет пропущен.

Следующие сто метров поглощаются молча, угрюмо, расстрельно.

Чтобы вернуться к истоку и попытаться счастья ещё раз, надо или пропахать десяток километров до следующей развязки, либо тупо соскользнуть в просёлки и продираться по залесённым местам, имея в виду конечную цель.

Целей по большому счёту вообще-то две: одному это Эйфель в Париже, двум другим – колонки в Гамбурге. У Кирияна Егоровича цель расплывчатая, практически он едет без цели – так прогуляться. А если подвезёт, то и дневничок написать... в виде повестушечки небольшой, может и смешной как у Джерома. Но это последнее, кроме самого Кирияна Егоровича, знаем только мы – читатели.

Экономя время, съезжают в заросли. Вау! Вот так повезло!

Из той конопки в Амстере Фаби изготовит им нештяковые пирожки. Фаби в этом смысле мастерица, tante – maître.

Джипиэс иной раз взбешён, и начинает дрыгать местностью перед глазами Кирияна Егоровича – главного навигатора.

Кириян Егорович утыкается в карту и, не понимая ничего в мельтешащих жёлтых полосах, орёт: «Ксаня, ни хрена не видно, Катка (или Машка) блукавит!»

– Чё так?

– Спутник нас не видит. – И сексуально-поэтически предохраняется: «Мы находимся в презервативе крон».

– Выезжай в поле, – командовал тогда Порфирий Сергеевич. – Езжай туда вон. И стань там вот. Подумаем вместе. Машка покамест образумится. Выключай его, ібучий свой джипиэс. Пусть перезагрузится.

Послушный желаниям общества «неплохой мудчина Рено» некоторым средним образом останавливался.

– Ну что, навигаторы, – говорил тогда (если пребывал в благодушном настроении) Ксан Иваныч. Он почёсывает затёкшие армяном, таджиком ли, хихи (да чё уж там: яйца и всё тут) освободившейся от руления рукой, – опять в клумбе спим... с Каткой?

– С Машкой! – кричат.

– Поher! На два часа говорите поворот? Без четверти, да? Матушки ваши перематушки! Бля, бла, блу!

– Мы всё по часам делаем, – говорит Бим, – ты, брат, тоже повинен. Ты нам брат... или стреляло чекистское?

– Я повинен??? Ха! Стрелки, господа, поменяйте! Полвторого, четверть пятого! Тьфу! Куда, бли, теперь ехать? Возвращаться будем или постоим? Кирюха, часу хватит, чтоб перегрузиться?

– Пять минут. Я в том, про что Вы, уважаемый, хотите нам сообщить, НЕ! ПРИ! ЧЁМ!

– Может пиво на опушке начнём пить-бля?

– Сами виноваты, сударь Ксан Иваныч, – говорили ему навигаторы. – Вот куда неслись?

Просили ведь, гоните потише, клумба слишком махонька.

– Клумба, клумба! В Saibali – вот где делают ваши клумбы! – в ответ.

– Не знаю такой страны, папа, это где?

– Я шучу, сынок. А чё ж ты сам плохо подсказываешь?

– Я подсказывал.

– Сусанин.

– Понатыкали!

– Да уж!

Так и есть. Иностранцы, жадные на светофоры и помешанные на экономии земли, повернуты на исключении перекрёстков. Они заменяют их миниатюрками – маленькими такими копиями, близняшками круговых развязок.

А самыми маленькими клумбами славятся соответственно ничтожные по размерам государства: Нидерланды, Швейцария, Австрия. (Не в обиду сказано. Простите, государства).

– Заранее надо предвирать. На опережение думать. Форсмажор нам, зачем, паш, придуман? – учит Ксан Иваныч.

– Мы орали даже, а не предупреждали. Горло криком драть? Нас нужно слушать, а не Катек-Машек разных, – возмущается галёрка в едином порыве.

– Не поймешь, кого слушать: этот, блЪ, не в адекват, Катка – тормоз, Кирюха... ну ладно, Кирюха иногда бывает прав. Малёха в рот воды набрал...

– Я говорил, – огрызается Малёха.

Не слышит сынка папа.

– Слушайте меня! – кипит Кирьян Егорович. – Последнее слово всегда моё. Я в навигации главный! Бим просто помогает... Он второй штурман. А я первый. Малёха третий. На случай, если мы с Бимом заснём.

А такое бывало. Салон доверху забит пивом. А пиво расслабляет дорожных труженников.

Ююю. На самом деле это точки.

Ленностью и ненавистью залита сцена всеобщей насупленности. Затянутая сцена всеобщей насупленности. Насупленностью затянута сцена, и все в общую насупленность затянуты. За занавесом – насупленные. Затянута сцена и потому даже читатели втянуты в насупленность. Занавес. Хорэ!

– Прочли?

Ровно столько времени психично молчали пассажиры.

Ююю. На самом деле это опять точки. Ю не я, она с точкой обыкновенной и математической птичкой «вправо больше чем». Всё, блин, в одной клавише. Отсюда путаница с эпизодами.

– Да, ху... куёвая тут планировка, – размягчает обстановку Ксан Иваныч, словно сдавшись, – клумбы-бляди на каждом шагу.

Тишина прервана новой волной потасовочного спора.

– А не мы проектировали! – резонно отвечают Бим с Туземским.

Инцидент до очередной издранной-переиздранной крепким русским словом клумбы, исчерпан.

И то верно: Бим и Туземский, а заодно и Ксан Иваныч были всего-навсего угадайгородскими волосатиками, то есть творческими людьми, архитекторами, если ещё точнее, а вовсе не планировщиками иностранных дорог.

Правда, были они волосатыми не простыми, а с погонами. Типа, если сравнивать с армией, то где-то на уровне от майора до подполковника. А если мерить по волосам, то с косами до задницы.

Ну, уж, а если настроение у Ксан Иваныча было похуже, а не дай бог, если Ксан Иваныч в тот момент уже был чем-то до того накручен (например, очередной разборкой с Малёхой или лекцией о вреде распития алкоголя на заднем сиденье) и соответственно возбуждён (а это случалось чаще, чем на Ксан Иваныча снисходило благодушие с временным прощением нетрезвости) ... то Кирьян Егорович с Бимом получали по полной.

Вот один из перлов, запечатлённый неподкупным диктофоном – тогда он был ещё цел:

– Так! Клумбу просрали, мазохакеры фуевы! – Диктофон трещит от вогнанных в него децибелл. – Куда смотрим, господа хорошие? В доньшко, блЪ?

«Господа» в понимании Ксан Иваныча имели только два оттенка: чёрный и белый.

Оттенки чёрного применялись по ситуации.

Протестовать и оспаривать в такой момент чёрный оттенок, дабы не огрестись чернее чёрного пздюлями, было небезопасно: каждая автоклумба обозначала экзамен плюс испытание терпимости.

Клумбы, словно ключи от тюрьмы, открывали те страницы воровского лексикона, в которых порой обозначались и начинали сверкать неожиданностью новые клички штурмана и его советника и подсказчика Бима. Бим в ранге правой руки штурмана Кирьяна Егоровича Туземского. Соответственно, – в ранге третьей – не лишней бы – руки Ксан Иваныча.

Ксан Иваныч будто наизусть знал «Книгу Тюрем». Он пользовался этим знанием на полную катушку, не разбирая должностей. И гнобя архитектурные заслуги друзей перед Отечеством.

Малёха в этой тюрьме служил сторонним надзирателем, и оскорблениям не подлежал. Его самого (нежненького такого) позволялось только ласково журить. А журить по-настоящему позволялось только папе.

Малёха был «на измене», как говаривал Бим.

– На воспитании путешествием, – поправлял справедливый, как математическая константа, Кирьян Егорович.

– Только не очерк, – слегка горячился графоман Кирьян Егорович, беспокоясь о конфигурации произведения. Оно в будущем должно принести всемирную славу и *денюжный* запас на могилку. С мраморной крошкой в бетоне.

Естественно он знал, что лавры и деньжонки свалятся не сразу, а немного погодя – после легитимного этапа оплёвывания и ношения христонашипованой шапки страсто-

терпца. При всём при этом он – заядлый матершинник, извращенец фактов и неотёсанный срамоциник. Следовательно, судьбу себе готовил известную.

– Я вам не Антон Павлович, чтобы коротко писать... разные там рассказы, – возмущался Кирьян Егорович по возвращению домой. – И не Мокрецкий.

Мокрецкий, повторяем, – славный наш угадывающий журналист. Ему ещё попадёт за комментарий. И за опрометчивое сравнение с Джойсом тоже – это уже от ирландской культурной общности.

– И не добрый, а правдивый и реальный, – продолжал будущий писатель. – Напишу вам повесть... Стоп! Нах повесть! Не впишемся. Много всего, мно-о-го. Вот смотрите.

И Кирьян Егорович перечислял, захлёбываясь слюной попеременно с блядами, и загибая пальцы:

– Девять стран, блЪ. Плюс Россия, блЪ. Плюс Белоруссия, а она большая, блЪ. Плюс Татария, блЪ. А хуже их, блЪ, гаишников в мире нет. Сами знаете.

И завершал соответственно: «Бляди вы, а не друзья!»

Словно внимая предсказанию Кирьяна Егоровича, список приключений, напрашивающихся в роман, расширился благодаря изменению план-маршрута генералом.

Добавляя себе сроку, К.Е. перечислял:

– А Хельсинский паром один чего только стоит, а Киль, а Гамбург, а Прага, а Люцерн, а Брюгге! А кемпинг Зибург с нидерландскими задницами. А как я на унитазах санитарного домика ночевал за своё же бабло? Все помните?

– Ну было, – говорил Бим, – ну прости мя, а? Ты же ведь ещё тогда простил, правильно? Чё вот два раза по одному месту, ну, а-а-а?...

За вопросом с троеточием (а троеточие само по себе уже предложение) – десятки достойнейших событий, просящихся в великую литературу, а вообще-то нацеленных на соби- рание коллекционных, толстых, кривых, ржавых гвоздей.

Чем отчистить ржавчину, никто не знает?

А ещё надо бы грохнуть карлика, отведать Фуй-Шуя, купить задарма шедевр Селифа- ния, шмякнуть девчонку из Того, утопить Шона Пена, порадовать проституточкой Гоголя, выпить по паре бочек на каждого, пообщаться с пьяным призраком Гитлера. Порфирию надо съесть в одиночку кастрюлю улиток и отравиться, Кирьяну Егорычу – писателю заплутать в бельгийской тайге и понырять в Мамлингском болоте, Биму упасть со стула в швейцар- ской церкви, поболтать с наркоманочками Брюгге на предмет духовной любви, отловить в Люцернском озере лебедя, накормить уток и приподнять их плавучий домик, спасая от наводнения, переплыть на пароме и обрызгать через перила Балтийское море, позубоска- лить меж собой в другом Мэмлинге, уфотографировать Лувр на фоне Бима, выпить фон- тан Найнтринквассера, сциллить в Хофброе картинку однофамильца Гёте, промокнуть под сущим ливнем то ли в Любеке, то ли в Ростке (К.Е. путает эти приморские городишки, поэтому, доверив себя кирьяновскому джипизсу, команда чуть не промахнулась с портом), далее дать бомжу украсть их фотоаппарат, подраться с чешскими землекопами, помочить коленки в майском Северном море, проглотить с хвостами сорок шесть волendamских селё- дочек, посмотреть футбол с немецкими фанами, потерять в Праге, Париже и Амстердаме по одному разу Малёху, посолить памятник Кафке и побить на нём скорлупу, насрать на Амстердам вообще, заменив город Амстердам посиделками на одном месте с девятигра-

дусным Амстелом, кушая фабины пирожки, куя купленное в чёрном кофе-шопе, поболтать с нидерландскими пидорами – они же передвижные строители-халтурщики, с видом на мост от знаменитого японского архитектора поковыряться в их жопах теоретически, поддаться на провокации бедного чешского шпиона Вовочки, бомжеватого проживающего в Люцерне, потом заставить его отработать поваром и выделить ему в качестве платы еды и в качестве пожертвования денег на проживалово.

(Про Вовочку вообще надо писать отдельную песнь. Правительство не в состоянии оценить Вовочку за достойное пополнение страниц «Шпионского искусства Чехии». Это Кирьян Егорович запланировал «на после славы»).

Путешественники готовы побожиться, что всё, что перечислено, так оно и есть.

– И так далее... – какая, *nacher*, повесть!

У Кирьяна Егоровича башка пухнет только от перечисления городов и героев, не говоря уж о сохранении детективных традиций:

– Роман будем писать, – повторял он как попугай. – РО-МАН! Рома вздрогнул, извини и Рим-город. Римм уж не живой, но теперь ты, друг, увековечен на века. Друзья поймут. Читатели спросят. Кайфуллини расскажет в Энтиви и по Рентиви. Уже готовят микрофон и пишут командировочную бумажку бригаде. Дорого обойдётся романчик телевидению. Хоть TV не виновато. Роман, сокращенный до попури и размешанный до сборной солянки. Про суффикс «ТЕ», извините за мат, дорогой Порфирий Сергеевич, обязательно вставлю. И не для вас, а для всемирной справедливости... Пусть заграница знает, что про них думает средняя часть Азии.

Средняя часть Азии по мнению Кирьяна Егоровича, это как раз Сибирь-родина и есть.

– Белоруссия это не страна, – поправляет Бим, выдернув из середины. – Это батька Лукашенко. Про него можешь не писать и в список покорённых стран не включать. Меньше будет на полста страниц. Мы же знаем, что ты развезёшь... Любишь чоль Лукашенку?

– Как, как?

– Дык к стенке ка'ком быстро прислоним. Хкек! – и Бим прикрыл рот ладонью, чтобы не слишком горько обидеть Кирьяна Егоровича.

– Мы не азиаты, – говорит дальше Ксан Иваныч. – Монголы – азиаты. А мы евразийцы.

– Посмотрим, какие мы будем евразийцы лет через пятьдесят. На Китай внимательно посмотрите. До Урала глаза у всех сузятся. Мирным путём, – возмущается Кирьян Егорович, который не желает своим детям, внукам и правнукам восточных жён и мужей; а также он сочувствует своей стране в целом.

Бима успокоило обещание про вставку в роман частички «-те», видимо, это было одним из самых приятных впечатлений от путешествия и волшебной формой, после которой любой смысл самой гнусной фразы приобретал пусть не честно заслуженный, но зато хотя бы извинительный оттенок.

– А что? Роман так роман. За язык вас, Кирьян Егорович, ведь никто не тянул, – сформулировали, подумавши, добрые друзья.

– Ты какую по счёту пьёшь?

– Шестую.

– Я седьмую кончаю.

– А я восьмую! – Это аргумент победы.

И ненадолго отстали.

– Только своё имя сократи до «К.Е.», – сказал Ксан Иваныч. – А то на него ещё плюсом полста страниц уйдёт. А Порфирия Сергеевича для краткости бумаги назови просто «Бимом».

Кирьян Егорович согласился на короткого Бима.

«Бим. Бим. Бим».

– Бим, ты доволен?

Но, иной раз спорили между собой на пивных планёрках Бим Сергеевич с Ксан Ивановичем на тему «Подведёт К. Е. товарищей, или нет».

Очень уж им хотелось провести о себе как бы со стороны побольше.

– Спорим, что не напишешь книгу. Всё это твои понты.

– Спорим, что напишу, – говорил, парируя выпады, Кирьян Егорович.

Читатель уже знает, что К.Е. не подвёл и спор выиграл, раз он добрался до этой фразы. Но наши-то герои ещё не знали! Они даже не знали, что на самом деле являются героями – и книги, и по жизни... столько всего испытать и вернуться живыми... С их характерами нужно сильно постараться... чтобы живыми и даже не подравшимися.

– А вы себя всё равно не изведаете, – говорил К.Е. – Я вас там замаскирую. И приукрашу... И обострю. И добавлю лишнего. Чуть-чуть, самую малость, для перчику. И не оскорбляйтесь, блин. Это литература, а не диктофон.

– А-а-а... Подслушивать что ли будешь? – и Ксан Иван вновь клонит голову, и снова вопросительным знаком.

Других поз головы на протяжении всей книги он не знает.

– Бойтесь проколоться словом?

– Нет.

– Ну и вот... если не бойтесь... Что я хочу сказать-то: если хотите очерк... для вашего дурацкого интернета, чтобы перед бабьём покрасоваться, – сами себе чиркайте очерк, а мне до этого дела не станет.

Покривил душой Кирьян Егорович: первые же свои мокрые опусы стал развешивать и сушить на мировой паутине.

– Читает народец, – радовался он *как ребятёнок*. – Только что-то отзвуков маловато. Совершенно никак нет комментариев. В чем-ять, дело? Где окаянный корень зарыт? Пенки-заголовки снимают, а навар-то весь внутри. Дефектив если надо – слюнявьте Марью Бобцову. Про любовь, что ли, маловато? Или жареного на тарелочке? Ybalni поменьше, невинных страстей поболее? – так что ли? Не соединяется никак. Маты подчистить? Тоже мне... застеснялись, понимаешь. Как членом волтузить каждую ночь – это типично, а как her увидят на бумаге – уже не нравится. Художники на простынях! От слова ху. Один сквозняк головной! Ханжа – шаг вперед! Мы, БлЪ! И полстраны шагает. Призывников типа в Чечню! Есть кто против? И, надо же, шагают! Пострелять им, видите ли, в детстве не дали.

♥♥♥

– Ничего, наша нигде не пропадала! – утешал себя К.Е., поостыв, и выкрипывал – знай себе – звук пера, елозя мышкой по коврику.

Интересно было Кирьяну Егоровичу вот ещё что: как вот поступать с теми шуры-мурными и прочими неблагоприятными поступками своих друзей, которые творятся ненароком и с радостью, а потом весь этот «ненарок» хочется утаить? С мешком в воду и с вежд долой? Вставлять в роман, безбожно врать, украшать или тупо многоточить?

Вопрос сложный.

Вся книжка покрылась бы многоточиями.

– Как золотой псалтирь под стеклом – волшебным мушиным сраньём. – Это Бим.

– Будь, как получится, кривая – она выведет, – гладил себя по головке К.Е.

♥♥♥

Как настоящий мэн он задумывался о влиянии будущей солянки на судьбу последующей дружбы. Он думал также о судьбах литературного мира, который после пробы его солянки круто и всяко должен был изменить вкусовые предпочтения и снова начать вставлять вуалированный мат. Такова двойственная жизнь на Земле! Днём цивилизно: все в штанах; ночью же и аж без трусов. Что ж её игнорировать в части норматива, эту двустандартную жизнь? Кирьяну Егорычу стыдно смотреть на женщин днём, ибо точно знает, что ночью они все с нескрываемым удовольствием снимут с себя трусы, вырядившись в лишние мужу пижамы.

Что его солянка положительно или вплоть до наоборот повлияет на мир – он не сомневался ни грамма. Особенно на литературный мир.

Мат-перемат... А с этой временной составляющей как быть? Приглаживать? Уничтожить начисто?

И сам себе отвечал: «В тюрьму за сквернословие не посадят. Ну, пожурят немного, а сами всё равно втихушку прочтут. Ложечкой, медленно, медленно... Станут бодаться критики – а мне это надо?»

И отвечает за К-на Е-ча Чен Джу – а он немного предатель: «Надо, ять, надо. Только бодаться надо на первых страницах ведущих газет, а не на кухнях с женками! В пьзду-борозду!»

«В борозду!» – лишнее, по-старинному ёмкое выражение, не добавляющее никакого смысла сказанному и не делающее чести Великой Пьзде.

Для солянки Чена Джу это как последняя капля финишного кетчупа.

Как восклицание серьёзно обозлившегося актёра, играющего в триста тридцать последний раз надоевшую ему роль бедняги Желткова и только что пристрелившего отечественную княгиню Веру Николаевну вопреки сценарию.

После этого брызжет натуральная кровь и окропляет будто вишнёвым вареньем белое платье актрисы. Красиво!

После этого спешно и непредусмотренно падает занавес, а ожидавшие привычной развязки партер и балконы разваливаются от грома аплодисментов.

Как Бим в париж Пня повёз

Один из героев романчика – Порфирий Сергеевич Бим до дыр протёр только начатый перекрестясь (10-процентной оконченности, 1,5-процентной жирности, как недоделанная диетическая сметана «Снежок») вариант рукописи. Он мусолит его в маршрутках, предлагает соседке по площадке, цитирует погонялам такси.

Млея на проститутках, Бим пересказывает содержание романа. И множит степень своего там участия. Читает выдержки.

– Давай ещё, ещё! – кричат проститутки в экстазе. – Ах! Ох! Не кончай. Продолжай читать. Медленнее! Вот так, вот так. О! Быстрее! Е-е!!!

И чуть позже, обтираясь в душе: «А нельзя ли познакомиться с этими самыми Ченом и Джу?»

– Нет, – твёрдо отвечает Порфирий, помогая отжимать их мочалки, – нет и нет... Чики-чики, может постричь кустики твои дивнорыжие? А твои чернявые? Нет? Ну и ладненько. – Обидевшись:

– Заняты Оне очень... Они, вообще-то, в единственном числе. Они пишут продолжение. Поняли? Для меня. А главный мэн там – я! Хереньки бы Чен взялся без меня писать, я для него антибиотик... я это... депрессант... Мне Париж вообще не стоял, ещё немного и он название сменит. Будет «Бим в Париже». Во, вспомнил, я Ингибитор! Катализатор то есть. Поняли, ненаглядные мои *боуляди*?

– Вау! – говорят на американском языке дорогие проститутки из угадайского универа. – Да ты великий прыщ, Порфирий!

– *Ни фаллуя себе*, столько набросать слов, – говорят на чистейшем русском удивлённые боуляди районные, – денег, поди, может дать взаймы?

– Хотим ему *otzoz machen*, – кричат подорожницы с Руэ Одиннадцати Гишпанских Добровольцев, что на пересечении с проспектом Красного Понтифика. – Бесплатно. Дай, напиши адресок! Вот здесь, на прокладке. – Думают, что у писателей некоторых член особой глянцеваемости. А уж аффектация его, при надобности, прям-таки соревнуется с пожарным шлангом, и потушит ваш любой внутренний огонь. Есть унутрях мебель? Дак побережите её, расставьте представителей по углам.

Но, не пишет Бим адресков почём зря.

Туземскому некогда отвлекаться: он должен писать, писать, писать, писать, писать. Писать, писать, писать. До обреза страницы. Не останавливаясь на ударениях. И переносы слов аннулировать, дробя предложения на удобоваримые ломти. А коли встретятся переносы, то то прихоть издателя, который прессует страницы.

Они поспорили.

Бим даже будет рад, если Чен выиграет.

Писать!!!

До бесконечности. До восьмёрки набок.

Для себя любимого.

Писать!!!

Для Бима.

Писать!!! Коли начал. Коля начал. Чё Коля начал?

Кто скажет, что это не всенародная любовь к начинающему беллетристу Чену-Туземскому? Кто скажет, что вкус к литературе нельзя привить плохим девочкам за недостатком у них свободного времени и десятка баксов из придорожного заработка на такие-вот невинные против них книжки?

– Да прямо на работе и прививайте, – советуют спевшиеся мудрый пьяница и бестолковый псевдописатель нового, неопознанного жанра.

А вот ниже... Что ниже колена? А: высшая похвала псевдописателю, тож гиперреалисту Чену Джу. Вот что. Вот оно что. Вот что оно!

Порфирий Сергеевич Бим серьезно и увлеченно, позабыв архитектурную повинность, перемежаясь с пивом, отодвинув порножурналы и порнодиски, мастурбирует над главками Читива. Читива Первого, что из Общей Солянки Чена. Там, где Живые Украшения Туземского Интерьера ходят в трусах и без оных. Вот целебная сила живого слова!

Какой конкретно странице поклонялся Бим – только ещё предстоит угадать будущим биографам и литературоведам.

Бим слёзно просит «как можно поскорше» «измыслить» «продолжуху». В кавычках бимовский сленг.

А, придя в гости к Туземскому, и не со зла, а из познавательских соображений побивает в туалете керамику (она держится на божьем слове Мела Гипса Картона). Потом начинает канючить:

– Вот это что ли та самая дырочка под батареей, в которую ты... как бы подсматривал?

– Да, Порфирий, вот это и есть та самая дырочка, – говорит ему польщённый Чен, в которую я «не как бы», а честно подглядывал.

– А это та самая сексуальная пепельница с Джульеткой?

– Да, та самая, Порфирий. А что?

– Выкинь её напер.

– ??? (Как так, мол).

– А я подберу.

– А я не дам.

– А я тебе Пенька не дам.

Уникальный домашний пенёк у Порфирия, в назидание пеньку его собственному, дряблону как высоленный в материале онона корешок, имеет ноль целых девяносто сотых метра в диаметре по верхнему срезу. В основании корневища – сто двадцать сантиметров. Высотой «в три четвертухи порноклизьменного стола».

Звать его, если не громко, а уважительно: Пень.

Просто Пень, без отчества. И это не обидное слово, и не простое имя, а благородная Суть Его. Бог биологии. Синдром, смысл жизни и пользы после смерти.

Занесённый как-то раз в квартиру Бима пень (тогда он не был одушевлённым) является провокационным козырем при обмене на сексуальную коллекцию пепельниц Чена.

Пень верно и долго служит хозяину стулом для оздоровительно-профилактического действия, совершаемого перед стационарно прикрепленного гвоздём зеркала накануне выхода в рабочую среду.

Каждая среда у Порфирия – среда рабочая, и она же всемирно еженедельный Праздник Мастурбацон.

Чтобы хорошо отметить праздник, надо немало потрудиться над собой.

Пенёк выручает хозяина в паранормальных играх с весёлыми шестидесятилетками, укладываемыми то вдоль, то поперёк универсального изделия.

При этом приговаривает Бим как заклинание странные слова: «В память о дедушке, в память о дедушке... и... И так раз десять». А потом вдруг задумается ни с того, ни с сего, и начинает выпрашивать, а год-то, мол, какой нынче? А ему отвечают, такой-то мол. Тут Бим начинает расстраиваться, а иной раз как разрыдается, что, мол, день рождения круглый пропустил и что теперь удачи ему не будет... и всё такое. И начинает бить поклоны. Станный этот Бим человек... Уж не сумасшедший ли он? Да вроде бы и нет. Обыкновенный чудак.

Кроме того, и в случае чего, Пень повлияет на продажную стоимость хаты.

– Это мой эксклюзив. Наследство, – утверждает и небезосновательно в течение десятилетий Порфирий Сергеевич. – Я его даже за долги не отдам. А в аренду могу. В виде исключения, разумею.

– А я и не прошу твоего пенька. Нахрен мне твой пенёк: у меня тоже есть повод для гордости. Вместо пня у меня ископаемый нос от носорога. И скоро ремонт. Рог некуда пристроить, а ты мне про пенёк талдычишь. Я что, член Плейбоя и завтра куплю Пентхаус?

Но, тому хочется поиметь в аренде пенёк, и он поправляется: «Авось подумаю ещё».

Туземскому жалко расставаться с пепельницей даже по временному бартеру (мало ли чего натрухает туда Порфирий). Но, попробовать пенёк нахалю в качестве сексодрома он не против.

– Я к тебе как-нибудь в гости зайду. Готовь плацдарм. Пробу будем с товарища твоего брать.

– Приходи с Дашкой, – ррраскатывает губищца Бим.

Он затрагивает насущную тему. Очень уж он смокчет по Дашке. Но для Кирияна Егоровича эта тема наисвятейшая.

– С Дашкой не получится.

– А чё так?

– Она моя.

– Пользовал? Сколь раз?

– Ещё чего! Моя и всё тут.

– Ну и прощайся тогда с Пенёком, – шантажирует Бим, веселясь.

– Я и не здоровался.

– А всё равно попрощайся.

Льдина трогается, ибо подпёрта эрегированным багром (для некоторых неудачников – сексуальнейшей в тот раз весны).

– Ч-чёрт! Тогда может так: с Жулькой приду. А чё? Жулька пойдёт. Насчёт взаимоебли (– тогда уж «взаимоиспользования», – кричат доброжелательные критики) сами решите. А ты это... проституточку вызовешь... для меня. За твой счёт. Или с Щёлкой приду. Он забыл, что Маленькая Щёлочка (в телефоне тупо О-щё-щё, или О-ля-ля: он уже забыл, ибо обе были) ... на пятом месяце беременности, и потому на пенёк может не сговориться.

А на Щёлочку у Кирияна Егоровича встаёт сразу, стоит только подумать...

– Жаль, жаль, – говорит Бим. – Дашку всё равно хо'чу. Ой, как до чрезвычайности хо'чу ебсть ея! (ха: пользоваться её). – Дашка ему – как валерьяна котишку». Так же извивается и лижет что не попадя. Просит, как минимум, чтобы по ризе пошлёпали, и чтоб драли шкуру в день по пять раз: до кити-кэт и после сливок. Глаза при этом бешеные.

Но не продаст Дашку её телохранитель и недобрый эскимос ни за какие коврижки, ни за сметану и даже золотишко. И не только жаждущему, исстрадавшемуся Биму, но никому и никогда. И ни как подарок лучшему другу Джеку Руби.

Планы пенёковой передислокации, надо сказать, оборотились бы сверхпроблемами. Ну, очень комлеватый пенёк, ну очень-оченно комлеватый!

Выпилен Пенёк из старой лиственницы, больно поди было, весит под сто-двести кило. Если бы Пенёк был из золота, то весил бы две тонны. Но он изваян из деревянного вещества.

У Пня с точностью до одного пересчитаны кольца.

Самые важные отмечены шариковой ручкой.

Там даты особой толщины наростов и анализ погоды тех треклятых лет, когда крестьянам приходилось туго-натуго затягивать пояса и жидко гадить опилками.

Чтобы внести-вынести Пень в квартиру через дверь потребуется очередная пилёжка.
Его – если целиком – надо грузить в грузовик, поднимать-опускать на этажи как минимум вчетвером.

Если порезать, то снова склеивать.

А если не пилить, то потребуется подъёмный кран на детских колёсиках.

А все перемещательные операции «квартира-улица-квартира» претворять в жизнь через окна.

Хлопотные все дела.

А если везти Пень в Париж, то... о-о-о!

Вроде бы полная глупость. А Бим и до этого додумался. Причём по трезвости. Ибо он – настоящий гений. А у гениев всё не так, как у нормальных людей.

Обмен прославленной пепельницы из обыкновенного итальянского городка Вероны на Пень из сибирской тайги вероятно никогда уж не состоится.

Причины просты: лень, возраст обменщиков и приближение к границе половой катастрофы, когда уже не только лекарства, но даже волшебные пни не помогают.

Имеет значение и другая ежевечерняя привязанность: Бим на него молится.

Пень – это тотем Бима, Бог жилища Бима, Домовой электросчётчика Бима.

Разговор об обмене для Бима – к красному словцу.

Для Кирияна Егоровича – к проформе: лишь бы поперечить Биму и подзудить Бима.

Пень Бима величав даже в убийственном флёре матового лака.

Это образец природного наследия Земли, превращенного человечеством в лице Бима в культурно-сексуальный символ.

– Ну, назови какую-нибудь букву, брателло. На эту букву – како-нибудь слово. И на эту букву поговорим! Я знаю всё. Ну, всё-всё почти. Я – титан, я словарь.

Бим любит повторять этот тест после каждой восьмой забитой им пивной лунки.

Пень для Бима это ещё одна из предстариковских забав, он обожаем почти как ребёнок. Но ребёнок взрослый и повеса каких поискать, который очень даже не прочь разделить или хотя бы подглядеть увлечения своего папочки.

Когда Бим трахается на Пне, он извиняется перед ним:

– Ну прости, мил дружок, ты же видишь, что по-другому не получается. Закрой глазки, съёжься.

И это второе любимое слово на букву «П». Первое его любимое слово на «П» пусть угадает читатель, потому что редактор обяжет Чена это по сути прекрасное слово всеу не употреблять.

Пень живет всех живых.

Он друг и товарищ Бима.

Бим никогда не бросит Пень в беде.

Бим в родительном падеже предыдущего предложения сказал бы лучше так: «Пня не брошу». Или так: «Я скоро своего Пня до Парижу прогуляю». И это станет чистой правдой, так как эта идея посетила Бима накануне отъезда. И так втемяшилась ему в голову, что его товарищи не смогли возражать, а просто обхохотались в усмерть.

Более того, они решили, что это очень остроумно и будет служить им пропуском в дороге.

Таким образом, вместо матрасов и одеял в Париж к Эйфелю поехал господин-товарищ Пень.

Средмаш и евробублик

«Душа это не только абстрактное изделие, но и пять граммов великолепного, розового, дымчатого мяса...»

Теги иллюстрации:

Евробублик, черчение на столе, закрытый город Лысогорск

– Кирюха, смотри, зонтики! – крикнул Бим. – Есть смысл посидеть.

– Почему бы нет, – философски ответил Кирьян Егорыч.

О, майн гот, кажется там опять пиво!

И друзья забыли блошинку напрочь.

Они нырнули в сводчатую арку с прелестными, обглоданными нервюрами «а ля рёбрышки Нотр-Дам де Пари, свиные, германский вариант». И попали во внутренний двор Новой немецкой Ратуши.

Это мир особый. Вроде прелестной тюрьмы, камеры ли со стенами до неба (небо вместо потолка) и открытыми воротами – иди не хочу, хочешь войти – входи, посиди, испытай себя на раздвояемость души. Посиди в музейчике, на открытом воздушке, вспомни о прошлом Германии. Реформация, инквизиция, индульгенция.

С какой стороны тут показался миру Мюнх?

Внутри орут и пищат киндеры. Впору повылазить из щелей всем инквизиторам и показать этим шаловникам настоящую кузькину мать, а не выставку этих расфуфыренных сисячниц с обвесками. Пока ничего не показывается. Молчат средневековые изуверы, молчат восставшие протестанты, молчат лютеры и мюнцеры. Муттеры и фатеры⁷ позволяют орать детям сколько вздумается. Какая вредная эта теперешняя демократия! Пожалейте же уши несчастных иностранцев.

– Бим, видишь «мюнхенского младенчика»? Да не во дворе, а на крыше. То бишь на башне. Видишь?

Бим водрузил на нос очки, задрал голову и повертелся. Застрял на какое-то мгновение, открыл рот, оценил: «Вижу каку-то какашечку. А что?»

– Это символ Мюнхена. Может ихний первомонах. А родила сама мадонна.

– Как же! Так я и поверил.

Эхо между тем очень сильное. Гулчит как Твоё-Читатель-Отражение на дне колодца, когда в него плюнешь, а вдогонку гаркнешь. Нельзя в себя плевать и на себя ругаться: колодец это начало пути в преисподню. Ну как мол тебе там, хочешь на волю? Не хочууу – рычит эхо, врёт. Само карабкается по стенкам и жаждет охальника проткнуть чем-нибудь насквозь. От внутриратушного дворового шума поначалу хочется заткнуть уши ватой, накинуть маскировочную сетку с листьями тугодуба. Потом привычка затыкает неудобство за пояс.

– Масенькие они. Ну, это стрекозявочки, – утешает Кирьяна Егорыча Бим. Пусть играют. Улю-лю! Мы что, против? – и изобразил из лица добрую рожу.

Мир. Тишина, сиди и радуйся.

И тут вдруг Бим контрастно вскипает, аж подскочил на стуле. Надоела ему архитектура и скульптура Мюнхена, дети эти, пивная тягомотина, бесчувственные бабы. Рвётся на трибуну: проорать что-то близкое себе, щипательное.

⁷ Киндеры, муттеры, фатеры: соответственно дети, матери, отцы (искаж. нем.).

– А у этого – то, у Клинова – балбес, блТЬ! – Крикнул он на одном выдохе, – ему бы только пострелять, блин. В ружья – «пых»! ...Ну, в четвёртом или пятом классе уже... пора бы... а этот... Ну, блТЬ!

Бумага не передаёт интонаций. Аудиокнига не справилась бы с особенным раздражением лица – экрана нет – и выпендрёжем бимовского голоса.

Щеголеватый человечек в формёнке сворачивает зонты за столиком товарищей. На быструю просьбу «цвай вайс бир, херр, битте!», почти не заставив себя ждать, приносит бокалы с холодным пивом. И снова заученно и спокойно продолжает свинчивать гайки зонтов за соседними столами. Он, не устаивает лишним вниманием русских мимопроходцев, ненадолгозаходцев, проходимцев ещё не испорченных, то есть не наученных грамоте настоящих, конченных уже проходимцев. Словом, не герои они, шансов нет, и звать их Два Никака.

– Грамотно поступает, смотри. Почуял, что солнышко в тени, то есть тень за ...солнце за крыши зашло и, блин, убирает, – комментирует действия официанта Порфирий на уровне поющего мир чукчи.

– А знаешь, я вот про это скажу, блин, скажу про закругления... – говорит Бим. Закругления не давали ему покоя с тех пор, как он недавно о них запнулся.

– Какие закругления?

– Ну, вот закругления бордюра. Цельные. Не видел, что ли? Только что проходили. Я ещё ногу отбил.

– Ногу заметил, остального не догадываюсь.

– ...Вот у меня же это, обе жёны...

– ...пушки заряжены...

– ...заряжены, ха, ха! – Бим как в кино про эффект бабочки окунулся в прошлое и начал настолько издалека, что даже не понять истоков, не говоря уж про цель:

«У меня первая – Двадцать Седьмой, а вторая Сорокошерстка. ...А Двадцать Седьмая круче, шибко круче... Ну под Елисеём хранилища все эти, ...а Двадцать Седьмая – просто веретёшки там. Веретёшки, ну, которые ураном вращают. Тоже под землей. Это коротко я. Сверху ма-аленькое, а под землей – ВСЁ! – На ВСЁ Бим сделал страшную рожу. – Ну и это. ...А это всё Средмаш. А этот Средмаш, значит, это pisdez!!! Снабжение у них ...ну называется ЗАТО: заКРытый администРативный теРРоритоРиальный ооокРуг. (Бим еле выговаривает все эти сложные слова с множеством „р“ и нечаянно добавил террору). Нет! Нет террора, мать его, нет ЗАТО! и на картах нету ЗАТО. Советский Союз и всё! ЗАТО. ...Нету его на картах. Просто. (Бим повторяет фразы не просто так, он в это время додумывает следующую). – И Лысогорск – сорок шесть нету, Лысогорск – двадцать семь и этого нету, и всё просто нету и всё. (Вот видите!) – ...Да ты это всё сам знаешь, ну если ты не враг. ...Да ты не враг... И не шпион? Ну сознайся, что ты не шпионишь, но охота пошпионить. Ну, для развлечения как бы. Жизнь-то скушнАя».

– Я стратег, – говорит Кирьян Егорович, обижаясь.

У Кирьяна Егоровича тоже все подписки давно кончились, а арсеналы и точки давно уже взяты американцами на прицел. В самом Лысогорске, где К.Е. сроду не бывал, уже давно переловили настоящих американов – шпиёнов и купленных американцами продажных русских. Новых они не засылают, перенадеявшись на умную космическую слежку и жалея шпионов. При правильной настройке космослежки можно прочесть слово «Казбек» на пачках рядовых солдатушек, они курят на улицах, в казарме курительных мест не предусмотрено, ибо там склады автоматов и пуль. А там порох и опасность пожара со взрывом. Видят из космоса «Marlbogo» на дачных столах средне пьющего офицерского состава. Главная тайна русского в душе, а попробуй-ка туда заглянуть! Хрен выйдет.

Мелкая надпись «курение – причина раковых заболеваний» телескопам пока неподвластна. А может уже и подвластна. Мирным жителям этого не рассказывают, чтобы

не пугать. Иначе секс в траве может не состояться. Во время секса о войне и предательстве не говорят, поэтому секс даже в траве лужаек не преследуется. А под кронами леса – вообще завалйся. Но неудобно, вы сами знаете. Мухи, муравьи, соглядатаи-грибники, их упорных можно только киданьем бутылок отогнать.

Старинные и потому неактуальные сведения от бывших стратегов-пердунов, а попутно армейских художников, специализирующихся на уставных плакатах да на дембильских альбомах своих и старших по званию, американской разведке вовсе не интересны. Наплетут с три короба, и долларам ЁК! Убрать его за враньё? Выдашь себя дезинкогнитой.

– ...Ты вот, ты приходишь... – продолжает Бим.

– Не-ет, кстати ты меня обидел: вот, мол, ты говоришь: у меня баллистические, мол. А у меня стратегические... Я два года...

И т. д.

– Ну, Киря! Ну, ладно, ну это я, прости меня, это же я для красного словца, ну Кирюха! ...Ну, прости меня. Вольно или невольно я тебя обидел. Прости меня грешного. ... – придумывает на ходу формулу тушёвки начавшего разгораться инцидента. – А ты говори мне так: бог простит... Нет, стоп, ты не имеешь права так говорить: бог простит. Ты кто мне ... прощать чёб?

– А я на четвертом уровне. Примерно, – утверждает Кирьян Егорович (как-то раз по пьяни – а Бим круче монаха и подбирается к попадье – собственной персоной пожаловал Кирьяну Егоровичу степень номер четыре, а пожаловал – обратно уже не отобрать, Это вправде только Синод) – ...Я хотел тебя простить...

– Ну, бог простит. Ха-ха-ха. Ну, извини!

Смеются.

– ...Вот, значит. Ага, значит, это. ...На чём я...? А! ...Затушка. Сорокошёрстка. Средмаш. Снабжение питерское. Я уже знаю, вот сорок шёстка... Я уже все подписки кончил, могу говорить! Там народу, бля-а-а. ...Ну, тысяч сорок-пятьдесят. Ты-сяч! Сорок – пятьдесят! Не четыре тебе пять. В Ильичевском районе меньше живёт.

– В Средмаше?

– Весь Лысогорск. Сорок Шесть.

– А-а. Весь, весь...

– Машину. ...А вот машину бросил вот так... вот машину...

– Смотри, два кренделя каких! – перебил Кирьян Егорович как всегда на самом интересном.

По двору прогуливаются с хозяйками две маленьких псинки.

– Мопсы. Это мопсы. По-моему. Моксеры. Ну, не боксеры. У – эх... – отрывает Бим.

– А похожи на боксёров.

– А может быть боксёры. А я и... и не знаю. ...Отвлеклись махонько. ...Бросил вот так вот он машинёшку. Включено. Окна не закрыл. А я говорю... отец, ... в смысле отец... ну он приёмный отец Ульяны Порфирьевны. Я говорю – ты чё так вот, типа простоволосишь? А он: – ну куда она накуй денется. Ну, граница на замке, блЪ. ...По пропускам въезд-выезд. Сорок пять... пятьдесят тыщ человек. Где ты успеешь эту машину разобрать на гайки, блЪ? Тебя вычислят, блЪ, продержат, подумают когда тебя отпустить, пропидорасят досье, задержат ещё... выпустят. ...Ага... Во, бля, девки, какие! – отвлекается от темы Бим.

По двору важно прошлись две средних лет тётки обычной наружности, присели неподалёку.

– Ну, пива с кофе попить, это положено.

– Ну, ладно, да, девушек пропустим...

Насмотрелся всласть на пожилых барышень Бим, продолжает:

– А если кто-нибудь, как-нибудь, два раза засечён в непотребном виде. Вот тебе двадцать четыре часа – флаг в руки, барабан на крылья. Ну и вот... первый раз.... А снабжает Средмаш Питер. Ну, а у меня почему-то Средмаш – это союзное, а снабжение питерское. К чему это я веду? Потом до бордюров дойду вот до этих. Потом...

– Издалече идёшь, – говорят, потешаясь над дальностью истока. Так ручеек может затеряться в пути. А Волга-вот не затерялась, а ручейков там тыща, как вот начало обнаружили: сегодня здесь начало, а завтра в другом месте... Как?

– Ха-за-ха! – Бим кладёт руку на сердце. – Ты не отвлекай! БлЪ, ну, так хочется слово сказать... за родину... где она, теперь родина? У меня как у Бунина... Душа разболелась.

– Ну ладно, если как у Бунина... трави дальше.

– А, поехали мы... забыл... на это... господи! Царствие небесное, небесное Майе Николаевне. Тёще моей. Вот такой отступ... Зимой на похороны мы поехали... Зима. От ты представь: зима. Это было давно. Ну, это было лет двенадцать – тринадцать назад... Мандарины в магазине – пожалуйста, апельсины – пожалте. Нарезочка колбасная – пожалуйста...

– Вот он, видишь щас замок? – отвлекается Кирьян Егорыч на велосипед, который пристёгивают к железке. – Чтоб не крутились колёса.

– А, вишь как. О!

– Во, вон она.

– И там тоже так же.

– Вот, щёлк и всё.

– Так что вот так.

Бим продолжает расписывать краснобайскую повесть о замечательном прошлом советского человечества:

– Короче, заходишь. Коммунизм! Но! Блин! Талоны уже были. Сто грамм твёрдой колбасы... так...

Что-то принесли и поставили на стол. Кажется, это и есть знаменитые колбаски вайсвюрстхен. Светлые какашечки для еды!

– Сэнкью. – говорит Бим. – Чек, плиз. Оставьте, оставьте харч, это наш... – ... грамм... сто пятьдесят того – сего, блЪ. Но! – Бим поднимает вверх палец:

– По шмуткам идёшь... и ни одного русского слова не видишь. Всё импортное. Всё импортное! Идёшь по дороге вот так вот. – Потоптал ногами под столом. – А там чё интересно, ну Лысогорск, ну уобана в рот, ну в смысле в тайге там, блинЪ, а где там... два с половиной часа там до Лысогорска туда, на севера». Вот простая улочка, блинЪ. Не такая. (Бим показывает на правильную улицу за аркой) Не такая. Простая улица. Ну, пятьдесят тысяч человек... Обязательно через бульвар объездная – подъезд к дому. Дублёр.... Хуля там разгоняться типа. И бордюры. Я смотрел. Многократно. Я там был раз шесть. Бордюр. Вылитый. Ну, типа как вот эта ботва – вылитый... но он с таким ...изгибом. Цельный. Бордюр. Дорожный. Бывает пря'мый, бывает...

– Вот у нас тоже раньше были в Угадае... – намекает на существовавшие когда-то в Угадае цельновылитые радиусные бордюры Кирьян Егорович. Он ведь тоже изредка творчески волосат, то есть архитектор.

– Но-о? Быть не может... Я...

– Были-были-были!!! Потом изъяли и сказали... да nachuu лишнюю форму держать... Они же редко...

– А ты помнишь?

– А я помню, что были, чего-то вот, а потом стали на прямоугольники ломать там, со скосиками такими.

– Ты помнишь?

– Ну, очень недолго. Очень недолго. Потом снова говорят: Да ну, напер формы держать. Это же железо. Мы из железа болтов понаделаем и продадим. И стали из отлитых по-рубленному составлять круги. Типа много-премногоугольники. Восемь палок на один разворот.

– Ты помнишь? – всё не верит Бим. Его всезнайство открыто теряет в весе.

– Да! – ставит твёрдую точку Кирьян Егорыч. Он считал. Он видел. Но не спотыкался как Бим.

– Ну, ... я тут с восемьдесят пятого года. Я мог видеть это?

– Мог, мог, конечно мог.

– Мог? Но не обратил внимания. Ну не образованный я. Ну вот они. Ладно. В Сорокшестке. Литые. Литые. Причём с закруглениями... пять, восемь одиннадцать метров!!! Радиус. Почему придумали пять, восемь, одиннадцать метров радиус? А?

– Ну, может быть стандартные, чтобы радиусы поворотов соблюдать?

– А кто придумал стандарт: именно пять, восемь одиннадцать? – спрашивает Бим и сам отвечает: – Неведомо кто!

– Значит, СНиП⁸ какой-нибудь.

– СНиП? Это чоль по СНиПу?

– Ну да, СНиП по генплану.

– А кто СНиП придумал? Почему пять, восемь, одиннадцать? Почему не двенадцать, не девять, не шесть, а пять, восемь, одиннадцать?

– А потому, что там радиусы закругления считаются по оси движения, а когда по краю, то там – дынц, и чё-то там маленько прибавляется какая-то разница.

– Неправильный ответ, Киря, неправильный ответ. Киря, вот ты – почти что этот... уже этот... полноценный участник дорожного движения.

– Да ну! ... Ну да! – Сначала пытается воспротивиться, потом поправляется в обратную сторону Кирьян Егорович, вспомнив свою зряшную учебу в автошколе. А школу затмили и заменили немеряные в этом путешествии тысячи километров с джипизсом в руках и практическим познанием дорожных знаков.

– Вот закругление. Вот два *пендикуляра* (бабушка Кирьяна, когда была жива смеялась на *пендикулярах*, считая такое написание правильным и отдающим пердежом, ох уж эти геометры с математиками): туда... туда... – Бим чертит пальцем на столе круги. – Вот взял двоих циркулей... вот сошлись они. Вот это называется радиус. А вот после вот этих. Вот это... двадцать метров, не имеют права вообще никуда ...свернуть. ...Никак вообще никак – зона види... Ну треугольник, ну видимости. Ну, всякая такая куйня-ботва.

– А-а. Не убедительно. Причём тут два циркуля, зачем они должны сойтись и родить на перекрещении твой heroes радиус? Из пальца ты сосёшь свои доки!

– Ну вот всякая ботва – ху... ня. Это я экспертизе... Доказываешь вот им этим всегда ... это самое ... О-о-о. О-о-о. Ну, что-то давит на клапан... Да разберусь сейчас я с этим пареньком. Что он нам тут принес? Говно какое-то, говоришь?

– Так прими говна. Чтобы не болело. Тебе ж пиво – лекарство! Ха-ха-ха. Спирин орландский не помог?

– Дай разберусь щас и примем всего по ещё.

Бим шарится в сумке, ищет свой спасительный тахометр: «Нету, бля!»

К.Е.: «Ну, что, надо поискать чегой-то».

– Кого? Отлить? Опять ноль-ноль? Ну, бля, зачистил... ТЕ!

– Щас пойду.

– И я пойду.

– О-о, и я пойду. Но не так быстро.

⁸ Строительные Нормы и Правила в России и бывшем СССР.

– Подожди тут, – сказал Кирьян Егорович, – и далёко не отлучайся от шмоток. А то тут немчура... Ты не думай, что они тут все правильные... Шмыг со стола чего-нибудь, и бежать.

– Ну, ладно, подожду, а потом ты мне расскажешь – что куда.

– Я думаю надо идти туда.

– А мне кажется куда-то туда.

– А может туда?

– Ну, сходи туда... Кто с фотиком?

– Ты!

– Ты с фотиком?

– Ты блЪ, и здесь, и с фотиком. Часовой вроде. Понял?

– А чё не понять?

Группа распалась надвое. Бим, походив кругами с фотоаппаратом по двору, кося глазом на оставленные шмотки и не найдя сколько-нибудь достойного художественного кадра, вновь бросает-возвращает десант к столу. Все живы. Это не на Днепре. Шелестит бумажками. Из коробочки достаёт очки. Шерстит сумку, вытаскивая и бросая добро на стол. Столешница забита сувенирами.

– Нету, бля, прибора, – ворчит он себе под нос и начинает обратное складирование с диктантом самому себе. – Трубка есть, где она? Вот она, в зубах. Денюжки, стикеры, флаг. О, флаг! Моё!

Медицинский, самый жизненно важный для Бима сейчас инструмент, забыт им в хостеле. Давление не доказано силой независимой цифры.

Детские голоса громче. Общий гул усиливается. Музычка, как чёрт из волшебной коробочки. Выскочила, играет тихонько вдалеке колокольчиками. Это Ave Maria с часов на площади. Со стола падает трубка. Бим, кряхча, наклоняется, поднимает. – Прости, Киря, не убеж (Это заочно. Кири тут нет).

Но трубка цела, если не считать свёрнутую вбок голову.

– Глык!

Звон бокала означил порцию пива. Скрежет вилки по пластмассовому фарфору отметил факт тщательного доедания сосисок. У Бима ничего не пропадает. Если он не доест что-то ввиду маловажности зубов и нехватки времени, то сложит остатки в пакет, или завернёт в салфетку и унесёт на скромный вечерний харч. И съест в гробовой тишине недопонимания. В голодный год Бим бы не пропал, пустив в дело даже стебли трёх колосков⁹.

Вот девчушки, хохоча, пробежались немецкими догоняшками вокруг колонн, подпирающих угол свода со статуей Марии. Приостановились, посмотрели на Порфирия, что-то сказали промеж себя. Тут же засмеялись и умчали к мамкам. А потому, что Бим смахивает на доброго, подвыпившего немецкого гнома только без колпачка.

Узким воздушным пучком гулькнул звук автомобиля через арку, прострельнул сквозь Порфирия в арку противоположной стороны Новой Ратуши и стих аж на Риндермаркт. Смешался с тамошним уличным шумом.

♥♥♥

– Видел бочку у входа? – спросил Бим, когда Кирьян Егорович вернулся.

– Видел.

– А ты понял как она работает и для чего?

⁹ Тут Чен Джун умничают, ссылаясь на известный в истории сталинский «Закон о трёх колосках», жёстче и циничней чего вряд ли придумаешь (примечание для молодёжи, у которой по истории твёрдая тройка).

- Да так, не обратил особо внимания. Торопился. Помню, что тёмная и дубовая.
- Дак, это вот малый гнёт.
- Чего-чего?
- Гнёт, ёпть! Не слыхал? Ну, вино жмут из винограда. Сверху рукоятка, под ней винт толстый из дерева.
- Нека, не рассмотрел.
- Ну, так я и рассказываю подробно. Сбоку вот там и там обруча...
- Обручи.
- Я и говорю – обруча. На них захлёстки. Когда до упора завинтят, а вино уже слилось...
- Не вино, вино потом будет. Сок сначала типа сусла!
- Ну, сок. Так вот потом захлёстки – куяк вверх, и обруч симают. Бочка куяк надвое, переломилась... и... шкурки... это...
- Жмых?
- Ну да, жмых, шкурки... вытаскивают.
- О-о-о!! Умно-о-о.
- Малый заводец.
- Умно-о-о.
- А винцо по...
- Сок пока...
- ...ну, сок, сок, сок-тёк-ёк по жёлобку, потом по жёлобу, потом ещё. И в корыто сливается. Всё деревянное, заметь! Начхать им на микробов. Всё на улице. Вот она экология.
- Врёшь, что на улице. Мор будет. И был.
- Не из-за вина. А из-за грязи. Туалет по дороге, мухи, крысы, зловоние. Понял? Ну ладно, это для музея на улице. Конечно в помещении варили, Киря. Извини, приврал. Но для красоты, не для вранья, понимаешь меня?
- Кирьян не дурак, он понимает, но ему тоже хочется чем-то похвастаться. И есть чем:
- А ты видишь вот тут и везде, вот присмотришь, видишь на стенах всякие торчки высываются?
- Вот эти что ли страшили? Это декоративное! – Бим пренебрежительно отмахивается от скульптурок, как от недостойных внимания такого большого человека, как он, занятого настоящим делом. – В Праге таких полно.
- Так это не страшили, Бим, а это сливы.
- Фрукты? Ну ты даёшь!
- Сам фрукт! Это для воды сливы... для отвода дождя.
- Ну ты!?
- Вот и присмотришь. Каждая страшила с трубкой во рту.
- Курят.
- Сам ты куришь.

Тогда Бим, не веря на слово, привстал с места, подошел к ближайшей стенке и задрал голову кверху. Обнаружив агнца божьего в руках у каменной Марии, он перекрестился. Бормотнул что-то про себя, преклонил голову один раз, другой.

Подошёл невозмутимый безбожник и атеист конченный Кирьян Егорович. Купно и по очереди стали обсуждать назначение страшилок и оценивать уровень их ничемной ужасности и сравнивать с колоссальной пользой для долговечности, то есть музейного сохранения старины, за которой близко-близко тема национального самосознания.

Страшилок полно. По-правильному они называются горгульями. Но правильные горгульи тут не все. Некоторые только. Много неясного назначения персонажей: не шибко озабачивались древние скульпторы чистотой художественного промысла. Кроме библейских

персонажей хватает просто бытовых, и из головы наскоро придуманных, и конкретно сказочных из легенд. А что? А ничего, голому рубашка, СНИПов на них нету.

Словом, бардак, как в камере предварительного разоблачения, отсидке, ожидальнике, издевальнике, обезьяннике – по-русски, или в очереди за штрафами в милицейской приёмной.

Про горгулий на средневековых церквях можно написать толстенную книжку.

Они свисают с карнизиков, с балкончиков и лоджий, висят где-то под крышей и пугают своим нелитературным видом летучих мышей.

Лучшие горгульи и химеры, говорят, в Париже. Но и тут неплохие.

Да, действительно, без обмана: все эти чудилки, зверушки, худосочные поросюшки, калики прохожие, ведьмы на мётлах, обжоры с барашками и кроликами, нерадивые строители с кувалдами, змеи, гарпии, фурии с крыльями и без оных, лунатики в сонных чепчиках и прочая нечисть – все с проржавевшие окисью меди трубками во рту. Они стопроцентно являются приукрашенными художеством дождевыми отливами. Пиши – не хочу. А хорошая бы вышла статья. Помести такую в журнал, зайди в кафе, возьми журнал и открой на горгульях, то на тебя с того журнала сначала горгуля двухстами веков цокнет, что ты испугаешься и подпрыгнешь от неожиданности и машинально отбросишь журнал. И вдруг из журнала на стол, а со стола на пол, и на тебя, естественно, вдруг живая вода ка-а-ак хлынет, и ты ка-а-ак свалишься со стула и напугаешь соскоком всех посетителей, потом они сообразят: потоп! и как кинутся бежать, а официанты: расплатитесь, граждане, в чём дело, а ни в чём: обыкновенный потоп – неher было такие подозрительные журнальчики на столики класть – как им не стыдно. Так статья натуральна! Кирьян Егорович очень желает написать такую ожившую в реале с мокрыми горгульями статью, статью, выссывающую из себя дождевые сливки, статью,.. а да ладно! Киношники пусть отдыхают! А рассказывать потом этот случай в кафе станут десять лет подряд и доходы заведения от того увеличатся, и узнает Ленка, и Дашка, и жёнка, и сознаются, наконец-то, нет, чё ж мы так к нему относили, и не верили, какие мы плохие девочки, а уже поздно, и паровоз уехал в Лондон, и увёз с собой даже дым отечества. И он то в Лондоне, то в Париже уже живёт, не собираясь возвращаться, и пишет уже про Тауэр, про мост через Темзу и про другое: там тоже дофига чудес, требующих немедленного оживления...

– Эй, чего заснул?

Бим трясёт товарища за плечо. Кирьян Егорович кашлянул и глазами будто с поволокой странненько так глянул на Бима – ты кто? А! Снова Германия...

– Ага, скучала немчура, ишь как выделяются, вот чего им для жизни не хватало, как думаешь? Может жёнки им не давали простору для творчества, – подхватил умирающую мысль Кирьян Егорович, поёживаясь, – вот и поизвращались хотя бы на сливах. Похихикали, покурили травы, пиво пока пили, делать по вечерам нехрен, вот напридумывали. Герцог им дал добра... – Кирьян Егорович на скоростях стал без согласований и купли пользоваться Бимовский копирайт-лексикон, – а, творите, что хотите, типа. Видать сам не силён был в сказках – у него другие дела, вот и...

– А другой конец трубы у всех в жопе, – осенило Порфирия, как не само собой разумеющееся, а как редчайшее ноу-хау, – а мудрёно! Ты глянь! Всё у них задом наперёд.

– А ты хочешь, чтобы у них из жопы дождь капал? – хитромудро прищурившись, спрашивает Кирьян Егорович, – на балкон, да? Их надо было задом наперёд развернуть, так что ли, для правды жизни?

– Да я так... просто. Так, так, а ещё что знаешь, что я не знаю? – выпытывает повергнутый глубочайшими кирияновскими познаниями Бим.

Про половую связь сливов с горгульями Кирьян Егорович знал давно и приберёт эту информацию специально для укола Бима в разгар его красноречивого фехтования. Выпад

удался, Бим ранен, шпага пронзила Биму череп и нанизала кусочки бимовского мозга. *Для будто шашлыка*. Но не убила наверняка. Он никак не мог себе предположить, что Бим попросит его добить свежачком, чтоб не «кукаться в морчах». Кирьян Егорыч задумался. Другого, столь же эффектного приёма, как с горгульями, он не припас. – Щас-щас, что-то крутится на языке.

Специально замедленный глоток пива настроил его на поиск. Мерзкие детки визжат, нарезают круги, хватаются за стулья в надежде свалить мыслителя, проститутки напротив палачами таращатся в Кирьяна Егоровича с Бимом. Путают мысли... Эврика!

– Ага, вот! Помнишь фонтан с рыбой? Ну мясниковый... где они прыгают?

– Ну?

– Так он тут раньше во дворе стоял.

– А зачем прыгали? Убрали зачем?

– Этого не знаю. Дождёмся праздника – сам увидишь. А убрали... Просто всё очень! Разогнаться негде, а тут столы. На площади длиньше разгон, сам видишь.

– Не хочу праздника. У меня сейчас траурный праздник. Живой вдовец. Хочу домой в Париж.

– В Париже живешь?

– Киря, ёклмн, я только будто из-за Парижа поехал. Мюнхен этот мне не стоял.

– И Амстердам тебе не стоял? И Прага?

– Амстердам не знаю. Крушовицу просрали. Посмотрю всё сначала, сравню, потом скажу.

– Ну и вот, – продолжает Кирьян Егорович, – турниры тут ещё играли. Не во дворе, а снаружи на Мариенплатце. Свадьбы проводили. Зёрнышком торговали. Это рынок, толкучка. Типа Сорочинской. Ну, понимаешь намёк, да? А у них, как и у Гуголя-Муголя, где рынок, там и весь балдёж. Но тут я не специалист...

– Не колышет.

– Во! Ещё здесь бошки рубили. На праздники. – Очень сильно хочет понравиться Биму Кирьян Егорович.

– Свиной? На рульку?

– И свиной и так. Своих, баварских мэнов, ведьмушек иногда. Людишкам на потеху. Типа театр сатиры и юмора. И казнить надо и поразвлечь публику заодно. Экономия!

– На Мариенплатц?

– Ну, да.

– А куда дева Мария смотрит? С козликом? Безобразие!

– Да, действительно, безобразие, – согласился Кирьян Егорович, – куда смотрит дева Мария и главный бургомистр? Козлик это понятно. Его, глупого, на пасху мирно скушают. Не поломав косточек, замечу попутно. Пророк так велел и в Библии зафиксировал. А эти-то что, куда глядят? Двойка им по поведению.

Бим поражён и растоптан морально.

– А хочешь, я тебя щас тоже удивлю? – говорит он через пару минут, – за бесплатно.

– Давай.

Бим ломает исполу солёный кренделёк («братце») и поднимает его выше головы. Кренделёк смотрится занятым, багровым силуэтом на фоне сияющей под полуденным солнцем Новой Ратуши. – Видишь?

Во, бля! Из кренделька получился значок-полукаралька с палочкой посередине.

– Евро. €! Ха-ха-ха! – смеётся Кирьян Егорович, – евробублик. Ха-ха-ха.

– Ха-ха-ха! – хохочет Бим следом. Хохот – заразная штука. – Моё изобретение, замечь!

– Эй, вы, берите бублики, – кричит он, оборотившись к центру двора, – гоните рублики!

Внутриратушный народец повернул свои головы к путешественникам, прищурил разностильные глаза. Издалека всё равно никто ни хрена не понял, ибо перевести на свой никто не в силах. Поняли только одно: что снова русские понаехали в гости.

– Чего гогочут, чего глумятся русские? – подумал народец, каждый на своём родном языке, – место-то серьёзное, намоленное.

– Может, ещё нибудь поговорим? – предлагает новую, профессиональную тему волосатик Кирьян Егорович Туземский. – Например, как это всё строилось. С каким трудом. Сто метров с хвостом или двести – не меньше. Ну, вот, например, представь, какие тут надо было леса высоченные выставить. Всё из дерева ...как, что? А где столько дерева брать? Рубить —то жалко. Они же немцы... Разве-что из чужого рубить...

Он как-то писал статью про строительство готических соборов-долгостроев и ему эта тема, особенно с деревом, хорошо знакома. Тут бы он точно «сделал» бы Бима.

– Высоченные, да, – говорит Бим. – Да, ну её, напер эти проблемы. Башку ещё задирать. У меня давление. Слушай, Кирюха, ты мне в трубку, это... ничего не подсыпал? Типа снова. Нет?

– Нет, а что?

– Побожись.

Кирьян крестится настолько похоже, насколько его научили за всё время трясок по России. – Ну и что?

– Кирюха, а мне Мария подмигнула.

– Машка моя? В Угадае?

– Да не в Угадае. Святая. Вон та.

Кирьян всматривается туда, куда показывает Бим.

– Как она может подмигнуть – она же камешная.

– Да ты всмотрись.

Кирьян всматривается. Но Мария потупила глазки и гладит по головке кого-то, втёршись на треть в стену, – может юного Иисусика. – Нет, окаменелые оба!

– А я – то подумал – явление! – огорчился Бим.

– Явление Марии Порфирию! – посмеивается Кирьян и теребит ус, как нитку из шерсти высучивает. – Смотри, чтоб не сбежала со стенки. А то тебя туда в дырку как святого свидетеля захугачат.

Бим сердится: «Грешно смеяться над святыми человечками! Господи, прости Кирюшу – не понимают его поганые уста, чего творят со выпускаемым звуком».

Но Мария с Христосиком не убегут. Зря Кирюха беспокоится и друга пугает напрасно. Святая парочка обтянута защитной сеткой, наверно, от неразумных поступков божьих тварей – малых птичек, которых тут всего-то ничего. Или от разрушения сетка: всё-таки известняк, хоть и с ракушками. Сей материал не такой уж долговечный.

– Хрум, хрум, хрум.

И евробублик исчезает, поколотый славянскими зубами.

Машка, Наташка и Гретхен

Теги иллюстрации:

Машка-Гретхен, которая позже окажется Эльзхен

Бим удалился по интимным делам. Пока ходил – все деревья – как сразу после экзаменов – забыл и попутал.

– Я тут под платаном такую видел... Всем этим... Машкам нашим! Блудодейкам! Содомщицам. Мать их... волосатую обезьяну...

– Чё Машка? Под каштаном всё-таки или под платаном? – рассердился Кирьян Егорович, столько сил потративший на выяснение породы малоизученного дерева. И, как теперь оказывается, совсем напрасно.

– Под платаном? А я чё сказал? Кедр! Кедр в Ливане, ты меня не путай, не бес. Не прогневляй, как грится, орла, крыл не режь ему.

– А ты сказал платан, а это каштан.

– Это каштан!!! У-у, блЪ! А! У! А у меня тут это... записано на салфетке. Та-ак, после снесения... руки вытирать... Мусорка тут хде? У-у-у, немцы! Мусорки нет! Эй, немцы! Подь-ка сюды, мил человек, – и Бим подгребает к себе официанта, ну лишь бы с кем поговорить.

На протяжении дней своей юности и всего путешествия Бим любовно собирает всякие мелочи, напоминающие ему о каких-то знакомствах, беседах с иностранцами, с билетёрами метро и таксистами. В этом списке стикеры под пивные кружки с автографами официантов, салфетки, бумажки, фотки. Там же обёртки с надписями и рисунками малознакомых немецких и прочих людей, таких же туристов, встретившихся на пути с Бимом и свидетельствующие о совместных беседах. Там оброненные кем-то коробочки. В кошельке, не такая уж нужная, но памятная мелкая сдача. – Я эту не променяю, – говорил Бим. – Это от тогушки¹⁰, а это вот от австрияка. Помнишь австрияка в Августинере? Худой ещё такой хлопчик... К родственникам ещё приехал, а родственников дома не оказалось, или попутал адрес... что-то такое...

– Это который один скучал за соседним столом?

– Ну да, который к нам ещё приставал: откуда, откуда, а потом с испуга сдулся. Подумал, что мы бандиты или бомжи. А сам голубее некуда. А ему же охота было, а мы же не клюнули. Помнишь? Молодец, значит. Да и мало ли мы кто на самом деле. А вдруг мы наживка. На лбу у нас печати нет.

Про каждый предмет Бим делает короткую запись в блокнотике: там-то, во столько-то времени, по такому-то случаю. Так и салфетке с надписью «Castanea», сделанной настоящей немецкой женщиной, уготовлена судьба стать немаловажным экспонатом в домашнем настенном музее путешественника Нетотова Бима Сергеевича.

– Платан вспомнил, – посмеивается Кирьян Егорович. – С Платоном, что ли попутал? Философствовать ходил в сортир?

– Кто таков Платон? В бочке что ли который? На цепи?

– В бочке Диоген, а я про Платона. Ну, Платон, блин, под деревом сидел – так дерево и назвали. Философски.

– Или Платона от дерева?

¹⁰ Чернокожая девушка из Того.

– А фуй его знает. Неважно. История замалчивает. А это каштан. И в рот его ити. Жареному идти в рот то есть. Вкусный, говорят. Как солёный виноград. Кору ещё пользуют. Витамин и ещё какая-то там муйня дубяцкая.

– Ну и вот... кору, жареную... каштан... Оскома, о-о-о! А Катя там... – о чем-то своём вспоминает Бим.

– А говорил: Машка...

– Вот бы Хольц-то бы, блинЪ, тут развернулся. ...Бы! И с Машками. И Катьками... – гнёт свою линию Бим.

У барона фон Хольца из сибирского Угадайгорода – лучшего бимовского друга и соподвижника по любовным похождениям – было неплохое, отработанное холостяцкими годами свойство любить девичьи сердца и теребить лобки. Немолодой, с мешковатый фигурой, прихрамывающий и умный Хольц одинаково умело покорял сердца за деньги и бесплатно. И рощицу было бы Хольцу, где покорять – под платаном или под каштаном. Ноги вверх! И до утра...

– А он это, в Мекку, ой, в Мюнхен хотел. В смысле родст... – Бим подумал и усилил значение родственников, – сродственники все тут его. ...А это, я ещё эту сучку, Грэтхен, ещё не снял. Токо хотел... Как же её фамилия... Не израильская, нет, немецкая, слышь. Помнишь, нет?

– Какую ещё Грэтхен?

– Токо хотел... ну эту... которая? Где она? Грэтхен эта. – Бим посмотрел по сторонам. – Ну, сказочная эта ...героиня. У этого, у Перра, только немецкого. Два их. Помнишь?

– Ну-у-у?

– Ну, героиня.

– Что?

– Ну, Грэтхен. По-сказочному – Машка.

– Не понимаю.

– Ну, Машка, да только ихняя.

– Не знаю.

– Ну, героиня. Грэтхен. ДА-а-а. И она так стояла. ...Ну, в смысле не проститутка, а это... обслуга ихняя. Ну, в смысле – в этом смысле. А Грэтхен это чо у них, как в Турции ...Машка. ...Или как зовут в Китае кого-то, это..., наших девок, Киря, ну?

– А я не знаю... – ничего не понял Киря (пусть он в остатке главы побудет из уважения к Биму просто Кирей) ... из туманного бимовского бреда. – В Китае... не знаю.

– Таня, Катя, Маня?

– А, в Турции...? А-а-а ... – задумался Киря, начиная понимать к чему там клонят. – Ну, был я в Турции разок, в Стамбуле то есть. На Босфоре... Девки звать... э-э-э, были девки... не помню.

– А-а!!! Наташка!!! – заорал вдруг Бим неожиданно и на весь двор.

Половина внутреннего Хофбрюа повернула головы в сторону путешественников и раскрыла рты. Другая невозмутимая половина, скрытая стеклом, подумала... А что она могла подумать кроме как:

– Опять эти русские чудят...

– Эти русские пьяницы портят нам атмосферу...

– Они выиграла войну с немцами...

– Алкаши смогли победить Гитлера. ...Как, почему? Дед Мороз помог? На французские грабли наступили?

– И где же эта волшебная Наташка?

– Наташка! Наташка, бли-и-ин! – хватаются за животы, смеются. От души. Раскраснелся Бим. Начинает плыть Кирьян Егорович. – Ха-ха-ха!

– А тут Грэтхен! – подытожил диалог Бим Сергеевич, ковыряя листочком каштана в протабаченных зубах. – Ха-ха-ха!

И по хрену русским путешественникам как их отцы смогли победить Гитлера. Победили и всё тут! Просто на каштаны хотели посс... мотреть в Берлине!

Как же они заранее могут знать: без телескопа времени здесь никак.

♥♥♥

– Так, пойду-ка я пока не поздно ноль-ноль посещу, – сообщил неожиданную новость Кирия.

– Погода хорошая. Сходите, – позволил Бим.

♥♥♥

Божьи коровки учиняют от Бима побег. Он их давит, раздвигая столовые вещи, суетясь. Хлоп, хлоп! Хрум, хрум.

– Бим, кончай мутить!

Какое!

– Это скотина! – вскричал Бим. – Хоть и божья. Мясо ж твоё по двору! Пиву гадят, срут, так нехорошо-о-о.

– Так ты, хоть, не дави, а просто гони нафуй. Они же живые, хоть и немецкие коровки.

Бесполезно уговаривать и останавливать. Коровки не успевают подкрылки высунуть, как Бим их опять пластает по столу и распинывает по сторонам щелбанами. Кирияну Егоровичу жалко божьих коровок, да и подлетают они почему-то только к ним, будто они избранные ими иностранцы. Чем вот они таким намазаны? Как приятно всё-таки и в кои-то веки побыть в шкуре иностранцев, хоть и не в особо уважаемой шкуре.

Бим уже сильно подпивший. Его понесло. Речь льётся без перерыва. Знаков препинания не различить:

«Ты вот помрешь, блинЪ, и всё прахом пойдёт всё, а мне типа надо, и вот, блинЪ (чик, ещё одну раздавил), я последний день перед выездом ...вот когда мы из города, из Угадай-города выезжали ...на квартиру я заехал – купили дочери мы квартиру. Марик... нас встретил ...он ещё не умер... встретились ...ды-ды, ды-ды. Чё? Мы говорим ну завтра с утра мы езджаем, а я так ему достаю полтишок, чё он хотел, ...ну считай как, ну как последняя воля...»

У Бима при этих словах слегка покуксилась рожа и наполовину выползла слеза. Он отвернулся в сторону и вытер лицо кепкой. Он мужчина, ему не к лицу рыдать на виду.

– ...Как, а я ему полтишок это подогнал. А Стас звонил, говорит так, Бим, помнишь, мол, говорит, ты последний кто его снимал... а я люблю снимать... – Не забывает похвалить себя Бим, даже окунувшись в трагическое. – Он говорит, мы сейчас всё собираем...

– Информацию? Про Марика?

– Да! Все, да, всё собираем про Марика. Собираем, собираем. Ищем... мы же не знали, а тут бах! Информацию. Да-да, не только он, мы все. Да нет, напер он один... он кому там нужен. Одному. Всем. Он же в венерке... работает... Ну в нашей, в мужской венерке, понятен?

Кириян Егорыч давно уже понял, знает и понимает... кроме одного: как же там не интересно работать в этой венерке. Фуи разные щупать... шёл бы уж тогда гинекологом, хоть бы смысл был... И бабам приятно. Баба бабе разве добра пожелает? А мужик-то, дело совсем другое. Он может с добротой, и промолчит, если дело погано, и слова найдёт, да и баба сама... А что баба сама? А то, что и ей, как не верти, а приятно. Хоть и пришла не по добру... А он чё? Столько пёзд! Сколь вот пёзд в сутки? Так-то! Вот и выходит, что тоже надоест,

да как-то всё равно приятней... Наверное. Ни за какие коврижки не пошёл бы Кирьян Егорыч ни в венерологичку, ни в гинекологию, и пошли они все в жопу! Тьфу-тьфу: Кирьяна Егорыча, хоть и не свят он, но как-то Бог до сих миловал... а дальше он и не собирается... – Это-о-о, слышь!

Не слышит Бим.

«Гос-с-поди! – Бим молится. – Информацию. Да! Ну! Типа. И вспомнили мы. А они сидят сейчас все там в Молвушке. Качаются, качаются, Молва их качает, ты знаешь как там. Ну, все мужики кто. Ну, время-то ...уже шесть. У нас тут день, а там вечер. Одновременно сидим и думаем. Они сидят, и это... анализируют, ну что я щас говорю... Бим. ...У тебя последние кадры есть. Говорят. Не последние, а крайние там такие... Ты, говорят, это, ...сбрось на телефон. ...Я это говорю: я никогда ничего не выбрасываю. ...Ну, а сейчас я никак не сброшу. Они у меня там, на диске... на родине. а на телефоне нету. Зачем на телефоне, если в компьютере есть. Понятно, говорю. На сорок дней не успеем. ...Он говорит: не в этом дело... Ну, понятно...»

– А на сорок-то успеем, – сообразил Киря. Им кататься-то осталось... Ему жалко Марика, хотя они едва знакомы. Марик – врач, и добрый причём. Взял да и помер ни с чего. А молодой. Жалко Марика.

– А?

– На сорок успеем.

«Вот она незримая связь с родиной, блЪ...!»

Тут слова «родина» «блЪ» и «симка» проассоциировалась у Бима с грубо реальной, обижаемой его действительностью. И он заорал, перебивая все сторонние голоса, сливающиеся в единый хофбройский гул. В речи Бима как редкие просветы осознанного мелькают известные немецкие слова: о немецком боге (о, майн готт!), о немецкой родине (майн хаймат ист зер гут¹¹), школа (их гэе ин ди шуле¹²), пиво (бир, брой, дринк), свиньи (ду ист швайн¹³) и фраумадамы (девки):

– А эти птицы, орлы наши!!! ...Опять симки потеряли там. ...Как он достал! – имелся в виду молодой Малёха Ксаныч, который прославился своим немногословием на людях и водопадными излияниями в адрес отца, когда они оставались вдвоём.

– Вот у него три слова есть, – стал считать Бим, загибая шершавые пальцы:

– Симка! ...Интернет! ...Папа! ...При мне ни разу не сказал – деньги давай... А папа это значит деньги. Понятно. Всё, три слова! – громко возмущается Бим.

И чуть спустя вспомнил ещё один грех. Этот грех не самый опасный по жизни, но неприятен для всех странников, так как влияет на маршрут и время путешествия, а также доводит старика Бима до крайней степени иступления: «А, вот! Макдон!!! Четыре! БлинЪ, достали!»

Бим развёл руки в стороны и вверх, всплеснул сверху вниз. Попытался мимикой лица и натягиванием кепки на самый нос выразить эти четыре крайних слова, не вписывающиеся в его понятия о взаимной лояльности и уважении.

Киря тоже замечал эти три главных Малёхиных кита, но держал язык за зубами. На этот раз, неосознанно и подогретый бимовским возбуждением, смешанным с крайней злостью, подленько подлил масла в общий огонь:

– Макдональдсы и эти, как их ещё, бимбоксы. Как их звать.

– Какие боксы?

– Динамики. Бумбоксы. Всё ищут-то которые они.

¹¹ *Моя родина хороша.*

¹² *Я иду в школу.*

¹³ *Ты свинья.*

- Да, динамик-то... Вот папа пусть пойдет и поищет, – хищно комментировал Бим.
- А их же нести ещё надо. Они ж не маленькие. Малёха он специализируется на басах, а басовые они ...блинЪ ...большие. А не влезут как в машину?
- А это не мои проблемы!
- А Пень?
- А всё равно не мои. А Пень не трожь! Он мой друг. Я его до самого Парижа... Ух я его... Порадую старичка. Ему знаешь скоко?
- Сто пятьдесят.
- Вот-вот! Сто семьдесят три. Он может Наполеона видел!
- Наполеона точно не видел. Он после победы родился. Причём в Сибири. А Торт твой, Ъ, только до Москвы дошёл.
- Какой ещё торт? После какой победы? Отечественной?
- Отечественной над Наполеоном.
- Бим задумался.
- Зато мой Пендрик¹⁴...
- Кто-кто?
- Пенёк. Он в детстве был Пенёк, а щас-то Пендрик, он же в Европе.
- А-а-а. (Рехнулся Бим! А Бим не рехнулся, он романтизирует).
- ...Пендрик Париж увидит. А он хочет, хочет. Отец-то его Пендрих¹⁵ точно с Наполеоном воевал.
- Порфирий, да ты тронулся! Как дерево может с Наполеоном воевать?
- А мне без разницы как, мог да и всё! Он Пендрих, русский герцог или король, а не просто дерево. Ты семью их не обижай!
- А Фендрика знаешь?
- Прапора, чоль?
- И Киря удивился. Бим второй человек в его жизни (сам Киря первый), кто знает Фендрика-прапора.

- Станут нашими проблемы, как не влезут. А-а-а, колонки! Вот, колонки! – вспомнил нужное слово Киря.
- Колонки! ДА-а-а!
- Следует большая пауза, связанная с осознанием будущего всеобщего вреда от колонок, поглощением пива и очередным путешествием Бима с фотоаппаратом по Хофброю.
- Пять! – ни с того, ни с сего выкрикнул Киря.
- Что пять?
- Грехов пять! Ну, у Малёхи с папой.
- Должно быть семь! – рявкнул Бим в ответ, – в Библии семь грехов!
- Ну-у-у, это пизджее. Время покажет сколько.
- Время у них есть, – подумав, рассудил Порфирий Сергеевич.
- И на том успокоился.

¹⁴ Тут у Бима ассоциация с Хендриком Вермортелом (*Hendrik Vermoortel*, архитектор).

¹⁵ А тут любой Генрих.

До ветру

Теги иллюстрации:

Бим босиком в московском офисе, паровоз-череподробилка, голые девки в вагоне, трубка с травой, Бим спит – яички наружу

Порфирий Сергеевич Бим-Нетотов сидит в машине и не выходит даже для покурения. Он думает думу.

Пошли вторые сутки кряду, как он озадачен.

Причина: появление его взору фантом-экспресса фантастического вида, забитого голыми и колышущимися как эфирные облачка пассажирками.

Повторяем, ларчик открывался просто: в трубку Кирьяна Егоровича, целенаправленно для Порфирия, дабы отдалить его от бутылки, сбить с ног и уже спокойного уложить в постель, была подсыпана слоновая доза дур-муравы.

Порфирий со следующего утра, отсчитывая от момента занятого искурения, самостоятельно мыслить уже не мог.

Он то глупо похихикивал, то до буквоедства точно следовал приказам сверху.

От безысходности он будто стал сверхпонятливой обезьянкой, но с некоторым отставанием по фазе.

Он нога в ногу повторял общественные акции, и с отрешённым видом копировал телодвижения товарищей.

Он будто старался не попадаться на глаза – насколько это возможно, чтобы не очутиться в списках на элиминирование.

Он как больной хамелеон слился с задним сиденьем, отличаясь мёртвенным цветом кожи и запахом денатуратов.

Реальную пользу и автономию самодвижения Бим проявил при вынужденной остановке в Москве.

Крюк в столицу пришлось сделать для того, чтобы отштемпелевать недостающими печатями проездные бумаги.

♥♥♥

Казань. Мотель. Москва. Кремль. Башня. ГУМ. Пробки. Езда по замкнутому столичному кругу. Ворчание Малёхи по поводу хреновой Кирьяновой навигации. Соответствующий обмен любезностями.

Доехали-таки.

Бим, обиженный долгим воздержанием, принялся искать рулончик. Не найдя, пулей выскочил из машины.

И ринулся куда-то бежать без единого комментария в отношении отсутствия машинных удобств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.